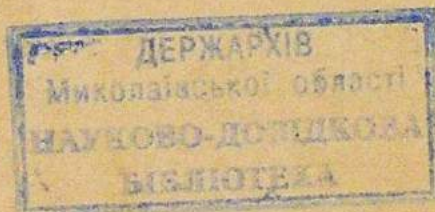

СТРЕЛЬСКИЙ

ИСТОРИЯ НИКОЛАЕВЩИНЫ

Книга I.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

- I- История Николаевщины с древнейших времен до начала русско-турецких войн XVIII в. I
- II- Борьба за берега Черного моря, присоединение " Новороссии" к России и основание города Николаева. 28
- III- Николаев феодально-крепостнической эпохи и периода начавшегося разложения крепостного строя 65

I

ИСТОРИЯ НИКОЛАЕВЩИНЫ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙН ХУШ в.

На каждой пяди нашей южной Причерноморской степи когда-то гремели военные походы, боролись и побеждали воинствующие наши предки.

Причерноморские степи были заселены очень давно. Уже в эпоху камня жило здесь многочисленное население.

В период неолита, материальные памятники которых встречаются на территории Николаевщины в большом количестве, происходит полное развитие матриархального рода, появляется охота, рыболовство, а на юге основным занятием населения стало мотыжное земледелие, дополнившееся в конце неолитического периода скотоводством.

Южные степи, как области, прилегающие к Черноморскому бассейну, рано испытали влияние со стороны стран Малой и Передней Азии, что сказалось в появлении металлических орудий из меди и бронзы, относящихся к третьему тысячелетию до нашей эры.

Когда люди стали употреблять орудия труда из бронзы, главным занятием мужского населения стало скотоводство; начинается более решительное производственное выдвигание мужчины.

"Южные Причерноморские степи представляли прекрасные условия для развития скотоводческого хозяйства" ("История СССР", т. I, 1939 года).

Остатками бронзовой культуры на территории Причерноморских степей, в частности на территории Николаевщины, являются многочисленные погребальные курганы. При раскопках курганных погребений в них обнаруживаются скорченные костяки, с характерной красноохровой окраской.

С развитием скотоводства, распадается материнский род, возникает общественное разделение труда.

В степных пространствах Северного Причерноморья появились пастушеские племена, выделение которых является показателем возникновения межплеменного обмена.

К концу эпохи бронзы 2100–1000 лет до нашей эры здесь на юге было множество отдельных племенных образований, не успевших еще оформиться в определенный этнографический тип.

С глубокой древности здесь жил один и тот же в основном ядре народ, далекие предки восточных славян, которые на протяжении ряда веков материального и культурного развития, вырабатывали тот комплекс особенностей, который в целом дает определенное этнографическое образование.

Первые конкретные известия о народах, обитавших в Причерноморских степях относятся к концу второго и началу первого тысячелетия до нашей эры.

Геродот, писавший в V–м веке до н.э., рассказывает, что еще задолго до греческой колонизации Северных берегов Черного моря, там, в степях, обитало племя киммерийцев. /Скифский рассказ" Геродота, т. IУ, II / :

В IX–VIII в.в. до н.э. киммерийцев в Причерноморских степях сменили скифы. По предположению акад. С.А. Жебелева часть киммерийцев осталась в Северном Причерноморье и это племя было названо греками–таврами /"Вестник древней истории", № I/2/ за 1938г./.

Противоречивы и фантастически баснословны были распространенные в древнем мире сведения о южных степях нашего отечества. Однако неудержимо влекло сюда, Северные скифскокиммерийские берега Черного моря, культурные народы древности.

Сюда, в наши Причерноморские степи, благодатные и овеянные фантастической молвой, заходили подгоняемые жаждой обогащения, заморские купцы и пираты разных древних стран.

Когда финикийцы были вытеснены из бассейна Эгейского моря, греки завладели всеми черноморскими рынками. Природные богатства Северного Причерноморья, в первую очередь, зерновой хлеб и рыба, затем домашний скот, мед, воск, соль, рабская сила из туземцев, влекли сюда милетцев.

Уже из самого описания Геродота, тех природных богатств, которыми отличались земли, расположенные в низовьях Днепра и Буга, можно понять, что именно влекло мелетских, ионийских выходцев к Северным берегам Понта Эвксинтского.

"Река Борисфен /Днепр/-говорит Геродот, -из скифских рек после Истра /Дунай/ самая большая и вместе с тем, как кажется, не только между скифскими, но между прочими реками, кроме разве египетского Нила, самая прибыльная: она доставляет превосходнейшие пастбища для скота, в ней водится в большом изобилии самая лучшая рыба, вода ее чиста и приятна на вкус, вдоль нее отлично удаются посевы, а на незаселенных местах растет высокая трава, при устье же ее сама собой отлагается соль". /Геродот, том IV/.

Крупнейшими и самыми замечательными городами греков на Северных берегах Черного моря были - город Ольвия, расположенный у устья реки Гипаниса /Буг/, на юг от села Парутино, Очаковского района, в 30 км от Николаева, а также город на острове Березань.

Начиная с VII века до н.э. Николаевщина подпадает под влияние Эллинской культуры, главным образом через те греческие колонии, которые в период общей греческой колонизации в бассейне Черного моря были основаны на Днепро-Бугском лимане и севернее его, по берегам реки Южный Буг и по реке Днепру.

Будучи выведенной из греческого города Милета /Малая Азия/, Ольвия скоро достигла большого процветания и приобрела ведущее значение в Северо-Западной части Черноморского побережья.

Когда Геродот посетил Ольвию, она представляла собой

уже весьма значительный, богатый благоустроенный город. Этот город был вокруг обнесен крепкими стенами и защищен высокими круглыми и угольными башнями. За стенами и башнями были роскошные, блистательно-пышные здания, украшенные мраморными изваяниями работы, как местных, так и пришлых мастеров.

Кроме Ольвии — центра эллинской колонизации на Николаевщине, второй крупнейшей греческой факторией была фактория / или колония / на острове Березани, основание которой относится к УП-УІ вв. до н.э.

До возникновения этой фактории на острове Березань уже было население от которого остались следы городка с валами, рвами, с акраполем.

К этому раннему периоду жизни на Березани относится жилая яма грушевидной формы, выдолбленная в материке. Греческие мореплаватели не могли не оценить удобств этого места и выгоды для рыбной ловли.

Продвигающиеся вглубь южных степей греки встречали ожесточенное сопротивление со стороны туземного населения — скифов.

Скифы являлись народом смешанного происхождения, образовавшиеся путем скращения различных племен, последовательно сменявшихся в Черноморских степях. Геродот помещает Скифию между течением Днепра и Дона к северу от Черного и Азовского морей; главным его центром в его времена была Приморская степь между устьем Дона и устьем Днепра с захватом некоторой части его правого берега т.е. с захватом нижнего течения реки Южного Буга.

Из свидетельства античных писателей, и археологические материалы показывают, что территорию Нижнего Буга и Днепра в скифскую эпоху были густо заселены. В середине УІ века до н.э. на обрывистом берегу Буга / у нынешней Варваровки под Николаевом / существовало крупное скифское поселение.

Остатки скифской материальной культуры найдены в разных местах Николаевщины в том числе возле Снегиревки.

Поселения скифов на юго-западе доходили до нынешней Полтавщины и Киевщины включительно, на Севере до Воронежской области.

Днепровские же берега, берега Днестра и Буга были чаще всего заселены кочевниками.

С IV—III веков до н.э. в степях Причерноморья усиливаются кочевые племена сарматов, подчинившие себе остатки скифских племен. По свидетельству Диодора Сицилийского — II.43/ сарматы, пришедшие в Северное Причерноморье из Индии, подвергли опустошению значительные части скифии и заняли их.

Знаменитый греческий географ Страбон /Iv/ называет сарматов скифским народом. Подобные указания имеются и у Птолемея. Те и другие, безусловно, представляли собой единый этнический комплекс. Значительную группу среди сарматов составляли аланы, которые в течении длительного времени еще в последующем являлись основными жителями Причерноморских степей.

Древняя земля скифов, земля Николаевщины, была тем уголком где античная колония Ольвия, сталкиваясь с варварами, вынуждена была идти не раз на социальные уступки, делать у себя попытки устраивать общественные отношения на подобие "варварских". "Варваризация" греков, живших в "варварском" окружении была столь же неизбежна и естественно как эллинизация "варваров".

В результате постепенной ассимиляции пришлого и туземного населения создалась в Северном Причерноморье та своеобразная "Греко-варваровская" культура, которой мы не встречаем нигде в другом месте античного мира.

Особенно заметный удар греческим городам на Черном море был нанесен в III веке до н.э., когда Поднепровьи появился союз варварских племен под названием готов. Образовавшийся в Восточной Европе новый союз племен, ядром которого были готы, был очень слабым и не мог противостоять натиску гуннов из Средней Азии, как не мог он изменить исторического развития коренных племен Причерноморья.

Готский союз продержался до IV века нашей эры и прекратил свое существование с появлением в южных степях гуннских племен под предводительством Баламира. Когда гунны сокрушали готов, они установили свое господство над всеми народностями, обитавшими в южных степях Приморья.

Но и гуннское государство в Приднепровьи оказалось не стойким и к концу V века н.э. распалось, не оставив глубокого следа в нашем крае.

Коренными жителями южных степей у Днепра и Буга были славяне.

Даже тогда, когда в источниках фигурируют только скифы и не было упоминания о славянах, славяне, конечно, на юге уже жили.

На основании обширного археологического материала можно заключить, что т.н. "Готская культура", "Гуннская культура", которыми иногда кое-кто пытался характеризовать довольно значительную полосу в истории материальной культуры славянского Причерноморья, новое ни есть нечто принесенное извне на территории Восточного славянства / готами, гуннами/. Это есть продукт творчества местного коренного населения — до образования готского и гуннского союзов.

Южные Причерноморские степи были уже на заре человеческой истории заселены славянами, уходившими своими корнями в пеструю массу, объединяемую под именем скифов, сарматов. Славяне как особый народ под именем Венедов, известны были уже ученым писателям древнего Рима—Цилинию Старшему, Тациту и др., писавшим в I—2 вв. н.э.

Тацит указывал, что венеды занимают огромное пространство к Востоку от Вислы и от Дуная до далекого севера.

Греческий ученый Птоломей, писавший во II столетии, также говорит о венедах.

После II века славяне долгое время не упоминаются в исторических источниках. Сведения о них вновь появляются только в VI веке:

История готов Иорнанд-Иордан /"
 ум, 552/, сообщает, что " от верховьев Вислы на неизмеримом пространстве обитает великий народ Винидов. Хотя имя их меняется теперь в зависимости от времени места, но главные названия их—склавины и анты".

Склавины /Славины/ представляли собой западных винидов, анты —восточных, живших между Днепром и Днестром. Иордан впервые устанавливает полное тождество венедов, антов и славян и указывает, что эти три наименования одного и того же народа.

Современник Иордана, византийский историк Прокопий /" ум, 562/ оставил свидетельство о том, что склавины и анты говорили на одном языке и занимали огромное пространство земли: большую часть земли по Дунаю, область к северу от Понта Эвксинтского.

О славянах под именем антов говорят и другие византийские писатели—Маврикий Стратаг, Менандер, Феофилакт

Агафий Иовни Эфакский.

Византийские писатели VI-VII в.в. называли восточно-славянские племена собирательным именем антов и в соответствии с ними следует считать, что область нынешней Николаевщины издавна была заселена антами, т.е. восточными славянами, русскими славянами.

Таким образом, исторически засвидетельствовано, что территория нынешней Николаевщины была занята в середине первого тысячелетия нашей эры племенами антов и что на этой территории к VI веку уже сложился, в процессе племенных скрещений, культурно и этнографически выделившийся из общей массы окружающих племен народ антов- на данном этапе этнографически целый комплекс восточно-славянских племен, конкретный племенной состав которого обрисовался несколько позже.

Руководствуясь литературными источниками, оставшимися от византийских авторов, и данными раскопок, следует признать, что у антов существовали развитые родовые отношения в годы предшествующие V-VI вв. Но в VI веке, судя по безоговорочным данным иностранных источников / Прокопий Кессарийский / славяне из состояния родового строя уже в значительной степени вышли.

Среди антов уже к VI веку имело место социальное и экономическое неравенство. Налицо было патриархальное рабство. Однако, даже в дальнейшем, рабский труд не стал основным видом труда в производстве. Новые вожди из богатых, своих рабов чаще всего сажали на землю, превращая их по социально-экономическому положению первоначально в свободных крестьян, крестьян-общинников.

У восточных славян, в том числе у славян Причерноморья, господствовал общинный крестьянский строй.

Общинный строй славян содействовал упрочению феодализма и разрушению рабовладельческого строя в других странах, в частности в Византии. Римский плебо / по свидетельству марсельского священника Сильемана, VI в. н.э./, а позднее византийский народ / по свидетельству византийского историка Прокопия/, большими толпами убегали к "варварам"—славянам, находя в этом путь спасения от социальных катаклизмов, связанных с разложением общественно-экономического строя Восточно-Римской Империи. / "Тайная история", XI, 38-39/.

О более позднем расселении и жизни славян мы имеем сведения в древнейшем историческом славянском источнике "Повести временных лет / Несторовой летописи/. Будучи составленной в III2 году, она дает картину этнографии Восточно-славянского населения в IX-X в.в., состоящего тогда из отдельных племен, конкретно обрисовавшихся в ранее этнографически цельном комплексе антского народа.

Во второй половине первого тысячелетия н.э. на юге нынешней Европейской части СССР, в Черноморских степях, по нижнему течению Днепра и Днестра жили славянские племена, которых "Повесть временных лет" называла Тиверцы и Угличи /Уличи/, а также Дулебы и харваты.

Восточные славянско-русские племена тиверцы и уличи представляли из себя одни из наиболее древних славянских племен. С полным правом мы можем назвать тиверцев и уличей потомками антов. / В. Голубовский. Рецензия на кн. Д.Багалея "История Северной земли", "Киевская старина" кн. XI, 1882г./

Южная Украина, территория нынешней Николаевщины, таким образом, была в древнейший период населена славянами, конкретно-тиверцами и угличами.

Славяне Причерноморских степей представляли собой племена, культура которых была особенно развитой. У них было много крепостей, существовавших еще до времени составления "Повести" / "И суть грады их до сего дня"/.

Тиверцы и угличы были сильны в военном отношении и это помогло отводить от себя угрозу со стороны соседей.

Уже в VI веке славяне боролись с Византией весьма энергично и почти всегда имели над византийским войском военный перевес. Славянское войско отличалось своей организацией. Это войско побеждало и готов, и аваров, и византийцев. Оно побеждало потому, что воины были хорошо организованы, хорошо вооружены, имели способных вождей, были храбры, выносливы и сметливы.

Но не одна военная доблесть и организация являлись источником непобедимости славян. Их сила и в материальной базе. Они издавна были народом земледельческим, любили труд и достигли в области земледелия больших успехов.

В это время славяне организовались в довольно крупные политические объединения со своими вождями во главе /Прокопий Кассарийский/. Эти политические объединения восточных славян /антов/, которых византийские писатели и Иордан считали самыми многочисленными и "сильнейшими" среди славян, представляли собой переходное явление от родового общественного устройства к государственному. Восточное славянство к этому времени в деле создания своей государственности успело уже проделать не малый путь. Нормы Восточно-славянских общественных отношений были достаточной базой для возникновения государства и оно явилось закономерным следствием развившихся у них классовых отношений, а не результатом деятельности чужеземцев.

Восточные славяне, объединенные в мощный антский союз племен, уже к VII в. достигают в своем развитии таких высот, которых Норманны достигли, как отмечает Энгельс, только в IX веке.

Тем самым антский союз племен смог заложить прочные основы для образования крупнейшего Восточно-славянского государства—Киевской Руси задолго до вторжения норманнов.

Культуру Киевской Руси создавали все составлявшее восточное славянство племена, в нее внесли свою лепту и южные славяне, уличи и тиверцы.

Соседство с морем всегда манило к себе славянские племена Приднепровья и севера. Так, Кий, основатель Киева, еще задолго до прибытия варяг, пробовал утвердиться в низовьях Днепра и при Дунае, но был вытеснен местными славянами,

Присоединение этих Восточно-славянских земель к славянским землям Приднепровья и севера не проходило без борьбы. В Новгородской I Летописи есть известие, что Аскольд и Дир, после занятия Киева, уже воевали с уличами.

Киевский князь Олег продолжал войну с ними и с тиверцами. Русь постепенно политически объединяла вокруг себя славянские племена, в частности славян Причерноморья. Русь систематически освобождает одну за другой земли из под власти хазар, которые начали было усиливаться на юге еще с конца VII века. В конце концов Киев, как центр сложившейся государственной организации, решил судьбу уличей и тиверцев и, притом, наиболее благоприятным для этих племен способом, так как благодаря этому они слились в единую семью с восточным

славянством, с которыми были связаны единством происхождения, культуры, религии, вошли в Восточно-славянское русское государство, история которого была общей начальной историей трех братских единокровных народов: русского, украинского, белорусского, достаточно сильное для того, чтобы предоставить своим частям возможность дальнейшего развития.

Славянство оказалось достаточно сильным и организованным, чтобы сохранить свое лицо, облечь свое официальное существование в Европе в государственную форму, объединить все племена восточного славянства и защитить свое государство от угрожавших ему народов.

Что Русь уже на заре своей истории владела Черноморским берегом по обе стороны Днепра и занимала Днепровское устье об этом свидетельствовали и договоры русских князей с греками и никоновская летопись.

Таким образом, уже в киевский период древняя Русь, главными, руководящими интересами своими ориентировалась к югу, к Черному морю.

Из договора Олега с греками и из других документов видно, что Черноморское побережье, населенное славянами, в значительной части принадлежало Приднепровской Руси.

Днепр и Днепро-Бугский лиман был важнейшим участком великого водного торгового пути, крупнейшей торговой артерией средневековья, пути из "варяг в греки".

Остров Березань запирает вход и выход из лимана в Черное море и играл огромнейшую роль в движении по великой водной магистрали средневековья, по пути из "Варяг" в греки".

В свое время Пушкин об этом острове писал:

В море остров был крутой,

Не привальный, не жилой,
 Он лежал пустой равниной,
 Рос на нем дубок единый.

В X—XI—XII вв. здесь кипела такая интенсивная жизнь, как в античный период. Этот период оставил богатые следы славянской культуры: землянки, печи, очаги, погребения, обломки деревянной утвари, стеклянные браслеты, застежки, кресты, железное оружие. Мощный культурный слой говорит о длительном существовании здесь славянского населения.

К X веку все пространство от Днепра к Бугу, к Днепру и Пруту, было сплошь занято населением Восточно-славянской группы, политически объединившимся под властью киевского князя.

Но тюрские народы, вышедшие из Азии: торки, берендеи, печенеги, в IX—X вв. утвердившиеся на Черноморских берегах у Днепра, Буга и Днестра, пытались отделить русские владения от моря, воспрепятствовать сообщению русских с берегом, подчинить русские славянские племена себе.

С XI в. Черноморские степи от Днепра на Восток стали заниматься половцами, которые оттеснили основную массу печенегов к Дунаю, в Венгрию и частично включили их в свой состав.

С середины XII в. все больше и больше засоряются южные пути связи Руси с высокоразвитыми старыми культурами Запада и Востока. Половецкие полчища, отодвинутые было во время Владимира Мономаха и Мимтимлав за Дон, снова напирают на южное Приднепровье.

Сюда, в южные степи Николаевщины ходили Киевские в 1152, 1183 и др. годах, судя по ипатьевскому списку и другим летописям и громили здесь, по Днепру и Ингульцу, Половецкие орды.

В 1224 году русские князья, выйдя по приглашению половцев против татар, убили татарских послов, но близ Олешья /нынешний Цюрупинск, возле Херсона/ встретили новых татарских послов, которые погрозили князьям разгромом.

И действительно с XIII века южные степи перешли во владение татар. Русь была отрезана от испокон-века своего Русского /Черного/ моря ординскими татарскими ханствами, которые основались на юге нашей страны. Это задержало процесс прогрессивного развития их культуры и славян морская летопись южного Причерноморского края нашей родины надолго погрузилась во тьму.

Нашествие страшных полчищ татаро-монгольских надолго затормозило для Руси борьбу за обладание южными землями.

Но вся Причерноморская, Приднепровская и Бугская степь была связана с Русью, жила ею. Все истребляющие волны азиатских нашествий, как ранее нашествие готов с запада, страшные бедствия и исторические испытания не стерли в этом крае могучую, жизненную вечную связь с русским народом, остались и жили здесь русские славяне.

Эта связь была выражена уже в жизни великого водного пути "из варяг в греки", когда прадеды наши, основывая на Днепре и Волхове свои первые города соединяли ими великую дорогу в единый общий путь славянства Восточной Европы. Чувство братства и единства славянских земель от побережья Балтики до Черного моря не утрачивали наши предки и в тяжелые часы половецких и печенежских нашествий / когда в рядах дружин Ярослава Мудрого храбро бились Новгородские богатыри/, ни в тяжелые времена татаро-монгольского нашествия.

Нашествие татар на южную Русь в половине XIII века не оставило жившие там народы в состоянии прострации, не атрофировало их стремления к внутреннему установлению государственного порядка и восстановлению связи с народами разьединенной Руси. И если в обороне Галицко-Волынского княжества против иноземных захватчиков, стремившихся использовать постигшее русские земли тяжелое татарское нашествие, помог Новгородский князь Мистислав Удалой, прибывший со своими дружинами из далекого Новгорода и выгнавший захватчиков из Галичины, то именно в этот период предпринимается попытка соединения всей южной Руси в одно большое княжество Даниила, который сделал свое Галицко-Волынское княжество страшным для врагов.

Весьма интересны в этом отношении указания Владимирского—Буданова: "Вся называемая Украина, т.е. степи по южному Бугу до Днепра, при нашествии волею-неволею попали под непосредственную власть татар..."

В 1257 году Даниил "воздвиг рать против татар"... войска Даниила и Василька напали на Волоховскую землю, а войска Льва /сын Даниила/ на Побужье /Прибужская степь/ и "на людей татарских". /Архив Юго-западной России, часть УП, т. I; стр. 23/.

Конечно, объединительные тенденции Даниила Галицкого охватывали северную часть Николаевщины, которая безусловно, как и прежде, была заселена славянами.

Так было и во времена Литовской и Польской оккупации Украины, и в период турецко-татарской угрозы порабощения украинского народа.

В XIV веке одним из крупнейших многонациональных централизованных государств в Восточной Европе стало великое княжество Литовское, усилившееся за счет Руси, вследствие захвата

великими князьями Литовскими русских земель и преобладание в Литовском государстве русской народности.

В 1363 году Литовский великий князь Ольгерд разбил золотоординских татар на Украине и вагнал их далеко на Восток, в степи Заднепровские. Освободившись во второй половине XIV века из под татарской золотоординской руки, Украина, однако, попала под Литовскую руку. Это было для нее меньшим злом по сравнению с татарским игом.

В XIV веке территория Николаевщины, весь правый берег Днепра, до берегов Черного моря также стало подпадать под власть Литвы, но это был длительный процесс, продолжавшийся и в XV веке.

Татары, господствовавшие на юге, начинают сдавать позиции литовским феодалам.

Литовский князь Витовт /1392-1430/, укрепляя свою власть в Северо-Западной и центральной части Руси, ставит перед собой задачу покорить также и Черноморское побережье, которое было еще под властью хана Золотой Орды. Черноморское побережье, Южное течение Буга и Днепра становятся главным объектом притензий Витовта.

В 1398 году Витовт пошел походом против татар в степи Причерноморские и покорил себе земли по Правобережью нижнего течения Днепра и Буга. После ряда новых столкновений с татарами, заканчивавшихся нередко изгнанием литовцев с захваченными ими земель, с конца первого 10-летия XV века Витовт снова усиливает свою экспансию на берега Черного моря, при этом, как и раньше, он использует династическую борьбу, существовавшую в Золотой Орде.

Витовту у татар удалось отнять Южную Подолию и проник-

нуть до Черного моря, на берегах которого были построены: Кочибей, или Хаджибей /1415 год/, Очаков, Белгород и ряд других замков. Витовт продвигался по степи и закреплял ее за собой с помощью создания замков и укрепленных поселений.

Литовско-русское государство стало фактически обла-
дать всеми южными Причерноморскими степями, всей Правобереж-
ной степью до берегов Черного моря, огромная часть которых
входила в XV веке в состав княжества Киевского Литовско-
русского государства. В XV веке политическая граница Литовско-
русского государства на юге шла " от впадения Мурахвы в
Днепр, мимо Тегиня к Устью Днестра, лиманом мимо Очакова к
Устью Днепра, оттуда до Тавани". /"Смена народностей в Южной
Руси", Житецкий. "Киевская старина", IX книга, 1884 г.,
стр. 8/.

Киевская земля, отошедшая к Литовскому государству,
была восстановлена в тех границах, в каких она была до татар-
ского завоевания и отчасти подвинута далее в степи к Черному
моря, благодаря деятельности Гедимиона, Александра /Оленько/
и Витовта.

Но увеличение территории Киевской земли имело влияние
на интенсивность Южно-русской колонизации.

Литовские князья помогли защитить южные пределы русских
земель от татар, но подвинули они не литовскую, а русскую
колонизацию татарской степи; не принесся в южную Русь нового
этнографического элемента и в то же время расширив границы
русско-литовского государства / в частности Киевского княжест-
ва/ до берегов Черного моря-они приобрели новые территории
для украинско-русской военной, городской, крестьянской, земле-
дельческой, монастырской колонизации. В известной мере литов-
ские замки служили для местного коренного населения защитны-

ми пунктами, где оно укрывалось в случае набегов татар и они были опорными пунктами в борьбе с кочевниками. Отчасти под защитой замков происходит и крестьянская колонизация в степях. Сами усвоив весьма быстро русскую культуру и помогая русской народности в борьбе с татарами, они обеспечивали, до некоторой степени южную Русь от влияния татар на судьбу и характер населения.

Таким образом, в условиях непрекращающейся борьбы с татарами в XIV-XV вв., литовско-русское государство, в частности княжество киевское, восстановило территорию и население в своих древних пределах (т.е. в границах киевского княжества времен- до татарских/, подвинув свои границы до Черноморских береговых степных пространств.

Витовт основывает на Буге село с названием Витовтово (под Николаевом), устраивает таможенную для торговли с татарами, упорядочивает переправы в этом месте через Буг. Витовто, как укрепление, было основано в 1399 году. /Соловьев, т.IV, стр. 27-28/.

Витовка /Витовтово/ была одним из важнейших центров южных степей в районе Буга и Ингула. Во времена Витовта, на Днепре, от набегов татар, беспрестанно беспокоивших Литву и Украину, кроме Витовтово, укреплены были в некоторых местах и другие городки и крепости /например в Каневе/.

Были построены и новые: Черкассы, Кременчуг и др.

Судя по литовским грамотам, быв. татарская крепость Балаклея в первой половине XV века перешла по договору от династии татаро-монгольских ханов Тохтамышей к литовскому великому князю Витовту,

Вскоре после смерти Витовта Крымские ханы возобновили свои набеги на великое княжество литовское. Второй хан Крымского татарского ханства из династии Гиреев-Меггли, в 1482 году громил замки в среднем Приднепровье. Выступая уже как вассал Турции, пользуясь ее помощью, он отодвинул границы литовско-русского государства от Черного моря к северу и южная Причерноморская степь стала Турецко-татарским владением. Великий князь Литовский был вынужден признать многие захваты хана, но это не избавило Литву от набегов Крымских татар и турок.

При помощи турок, татарами были построены на Днепровском низу свои городки или укреплены ранее существовавшие Очаков, Инкерман и др.

Центром турецкого господства на юге Руси была крепость Очаков, основанная в XV веке, по одним сведениям, Витовтом, по другим — турками.

Когда южные Причерноморские степи стали турецко-татарскими владениями, экономические отношения коренного населения южных степей с Москвой стали затрудненными.

Южная Русь жила под постоянной угрозой, но ни Литовско-русское государство, ни польско-литовское, не организовывали обороны этой южной окраины от степных татар. Эта оборона выпала на долю самого населения, самого народа.

Спасаясь от польско-литовского феодального гнета, крестьяне стали переходить еще в половине XV века за реку Рось, где были свободные земли, в это время т.н. "Дикое поле", в низовья Днепра, Южного Буга, на Ингул. Не имея возможности терпеть панских порядков и литовско-польской неволи, украинские крестьяне стали предпочитать полную угрозу, степь владельским землям. Здесь, в степи, они ищут себе убежище, начинают

перебираться на вольные эти поля, образуя первые казацкие поселения, имевшие военную организацию.

По этим пустынным степям носились теперь дикие татарские орды и здесь первоначально появляются разбросанные казацкие жилища, а затем создается славная Запорожская Сечь, славная казацкая вольница, зимовники которой раскинулись в дальнейшем на оба берега Днепра, по Южному Бугу, по Малому и Большому Ингулу, на Бугском и Днепровском лиманах.

В 1569 году польское правительство сделало первый шаг к захвату украинских земель путем инкорпорации Литовского Великого княжества в польское королевство, в единую Речь Посполитую и перехода в связи с этим украинских земель, которые до тех пор входили в состав великого княжества Литовского, в непосредственное подчинение польской короне.

К началу XVII века обозначались на юге Украины новые границы Речи Посполитой. Они, по сравнению с прежними Литовскими, отодвинулись на север от Черного моря и шли: по Днестру от истоков к Черному морю / до Ягорлыка/, к южному Бугу / точке слияния реки Южный Буг с рекой Синие Воды/, отсюда к Товани / на Днепре/ и дальше по направлению к Черкасску. Отрезанные этой границей Причерноморские и Приазовские степи остались в руках татар "Едисанской, Крымской, Едикульской орд/.

На протяжении XVII-XVIII вв. Ногайские орды, подчинявшиеся Крымским ханам, распространялись по всему северному Причерноморью, откочевали в примыкавшие к Крыму степи. Между Днепром и Дунаем кочевала Буджинская орда, образовавшаяся из татар-ногаев.

Несмотря на домогательства Польши и Турции в необозримых южных степях, наряду с татарами, жили русские и украинские казаки.

Вот одна из легенд о первых поселенцах с. Петрово-Солониhi / в 1213 километрах от Николаева/, записанная со слов солонихского учителя И.В. Курбатова, слышанная им от солонихского крестьянина Давида Курило, которому в 1915 году было 92 г.:

Отец Давида бежал из Польши, ехали на волах и попали в угол, образуемый изгибом реки Буг. Бежать больше было некуда и незачем. Вокруг — богатая и щедрая природа и никто не беспокоил. Построил отец Давида в глубоком яру себе курень. Прожил несколько месяцев и никого кроме зверей и птиц, не встретил он в этих местах.

Однажды выйдя на берег Бейкуша, отец Давида увидел человека. Появление человека здесь было равносильно появлению страшного и сильного зверя. Оно могло вызвать только страх. С волнением шли они друг к другу, но подойдя, поздоровались по-русски и бросились друг к другу в объятия. Какими-то родными они почувствовали себя. Стали расспрашивать один другого: кто, откуда.

Встреченный отцом Давида человек, был казаком. Казак здесь жил уже много лет. Он рассказывал, что нашел отца Давида по Куреню и потому, что видел, как дым курился из его очага. С тех пор стал звать казак отца Давида — Курило. Так произошла эта, наиболее распространенная в селе Солониha фамилия.

Курило спросил казака, не встречал ли он кого-нибудь еще и казак ответил, что через гору на берегу Солониhi живет еще один человек — Тарагуля, когда он пришел сюда — он не помнит.

Из этого рассказа видно, что степи Приднепровские и Прибужские уже при татаро-турецком господстве не были совершенно пустыми, но разоренными, что они несмотря на турецкие притеснения, были заселены украинцами, жившими здесь с давних пор и бежавшими сюда от гнета польской шляхты.

Первые шаги в борьбе с татарами и Турцией за южные степи сделали запорожцы, утвердившие и основавшие свою Сечь в Днепровской равнине. Бессильные бороться с многочисленными татарами в открытых степях, принадлежащих последним, запорожцы вели партизанскую войну, спускаясь на своих ладьях по Днепру, производя неожиданные набеги на степи татар.

Таким образом, запорожские казаки сами, еще в XVI-XVII вв. пытались основать надежную твердыню на Черноморском побережье, когда Московское государство не могло еще ни помочь, ни руководить систематически их походами.

В морском походе к издревле Русскому или Черному морю, предпринятом в начале царствования Ивана Грозного Адышевым и Вишневецким с целью пресечь грабительские нападения крымского хана Давлет-Гирея, запорожские казаки приняли живейшее участие. "Конечно, - пишет Бклаванец- успех Адышева был возможен лишь при деятельном участии запорожцев, которые, живя по Днепру, не раз спускались по нему на своих ладьях, называвшихся чайками, и опустошали берега Черного моря." /"Значение флота в истории России", II, стр. 45-46/.

Борьба за южные степи носила с самого начала народный характер, она отвечала жизненным интересам украинского народа, запорожцев вдохновляло в этой борьбе сознание того, что южные земли Приднепровья и Прибужья являются не турецкими и не татарскими, а украинскими землями, борьба запорожцев с турецко-татарским нашествием имела значение не только для Украины, но и для других многих европейских стран / Австрия, Венеция и др./.

В середине XVII века, польские магнаты, на основе Люблинской унии, завладели значительной частью украинских земель. На территории южной Украины польско-шляхетское землевладение пыталось идти по пятам казацкой колонизации, по пятам украинского

крестьянства, заселявшего Приднепровские степи, гнало их все дальше и дальше к порогам Днепра и его низовьям, к Южному Бугу и его устьям, стремясь обратить их в крепостную неволю, пока гонимое население не обернулось назад и не дало рокового для шляхты отпора на Желтых Водах и под Корсунем и не потнало польскую колонизацию силами славного воинства Богдана Хмельницкого обратно к берегам Вислы.

Окрепшее Московское государство, а затем еще более мощная Российская империя, начали заново движение к югу, к Черному морю, которым фактически владели данники-Турции - татары.

Это стремление русского государства к морю и его борьба с турками совпадали с борьбой казачества и всего украинского народа, уже связавшим прочными государственными узами свою судьбу с судьбой русского народа.

В 1687 году, а также в 1689 году, русско-украинское войско ходило в походы против крымского ханства, неоднократно нападавшего на Украину и южные границы России. Но оба эти похода русско-украинских войск не имели успеха, хотя войны по безводным степям Южной Украины доходили до самого Перекопа.

В 1695 году началось новое большое наступление России и Украины на Турцию и Крым. В ходе этой войны Петр I овладел Кизикерманом /Берислав/.

Петр I был первый из российских императоров, посетивших место Нижнего Днепра и Буга.

В руках турок оставались по-прежнему все южные земли Украины, в их руках было по-прежнему и пространство земли в низовьях Южного Буга и Нижнего течения Днепра.

Начало XVIII столетия было исключительно тяжелым для России и Украины и это было связано с трудной для нашей страны и продолжительной войной со Швецией, являвшейся тогда одной из самых могучих держав в Европе.

Тяжелое положение в России и Украины усугублялось еще тем, что Мазепа с частью высшей старшины, выступил против Петра I с целью отделения Украины от России и полного восстановления на Украине шляхетских порядков, вступив для этой цели в антинародные изменческие переговоры с польско-литовскими панями, а затем со шведским королем.

В начале августа 1708 года шведское войско перешло Днепр, затем на Украину прибыл и Карл XII, рассчитывая получить поддержку украинской старшины, двинуться на Москву.

Украинский народ враждебно встретил захватчиков, ответил им партизанской войной и заявил Петру о верности его России.

Под Полтавой Петр I, русские и украинские воины, наголову разгромили шведов. Остатки разбитой шведской армии бежали к Днепру.

При подавлении измены Мазепы Петр I в 1709 году ликвидировал и Запорожскую Сечь. Казачество Сечи ушло на низовья Днепра и расположилось в его устье в районе Алешек / нижний Цорупинск/.

В середине XVIII века была восстановлена Запорожская Сечь, ликвидированная при Петре.

Вопросы закрепления за русским правительством южной степи и предстоящая война с Турцией привлекли внимание самодержавия к судьбе казаков.

В 1733 году правительство Анны Ивановны предложило казакам возвратиться на свои прежние места и вернула им территорию Запорожья.

Сечь была восстановлена под названием Новой Сечи.

Гр.Кремянский в своих "Записках" "О запорожских обычаях" указывает, что запорожцы вернувшись опять под российскую державу поселились выше Кизикермана / теперь г.Береслав, Никол. обл./ в Омиловом / Записки Одесского о-ва, т.ХІ; стр.645/.

О временах запорожских красноречиво повествуют названия урочищ, населенных пунктов и других географических мест Николаевщины:

Название рек - Синюха, Солона, Солониha, Мертвовод, названия балок, балок, переправ, сел-Скельна, Скальна, Семенова коса, Кисляковка, /по имени Кисляковского курения/ Соколянский перевоз / против Соколин Зимовника/ место села Булгарки возле Вознесенского/ все они безусловно казачьи, запорожские.

В разных местах Николаевщины по рекам Ингул, Ингулец, Громоклеи, Днепру, Бугу, Мертвоводу, Еланцу были зимовники, паланки. От них частично сохранились землянки, следы рыбных заводов запорожцев, их куреней.

О жизни запорожских казаков свидетельствуют также надгробные кресты, попадающиеся в разных местах у рек Николаевщины, например, возле с. Александровки.

В литературе встречаются мнения, что на Семеновой косе было положено начало организации казачества в Сечь, что сюда пришел и жил здесь, с отрядом казак Семен Козарь /Мишецкий- "История о казаках запорожских", Одесса, 1852 г., стр. 1-2/.

Село Кисляковка было основано в связи с пребыванием запорожцев во второй половине XVIII века. Здесь была поставлена запорожцами церковь с колокольной в 1772 году. Эта церковь напоминает крепость: толстые стены (до 2 аршин), башня в 2 этажа. На кладбище с. Кисляковки имеется много запорожских крестов. На территории самого села Кисляковка часто крестьяне находят запорожские бытовые изделия /запорожские люльки, сабли и др./

Через р. Буг шел путь запорожцев-сечевиков от Гордо на реке Буге / За Вознесенском / на низ из Лиман, Днепровско-Бугским лиманом казаки пробирались мимо Очакова и Кинбурна в Черное море, по лиману же шел путь на Сечь, расположенную у реки Пидпильной /возле г.Никополя/ по этим же путям велась оживленная торговля.

Основными землевладельцами правобережья Украины в ХУШ в. была польская шляхетская знать. Украинское крестьянство правого берега Днепра в борьбе против политического, социального и культурного притеснения со стороны польского магнатства, вступило в вооруженные отряды, которые получили в ХУШ в. турецкое название гайдамаков.

Вступивший в гайдамацкие отряды украинский народ ярко отразил свои противофеодалные и противопольские католические настроения.

Соседство с правобережной польской Украиной свободного Запорожья, куда мог устремлять свой путь ищущий избавления от поляков крестьянин, всегда снижало объем и силу хищнических воцелений шляхты.

Широкому распространению и устойчивости крестьянского движения Правобережной Украины содействовали тесные связи повстанцев с Запорожской Сечью. Эти связи делали движение гайдамаков систематической борьбой народа с национальными и социальными их угнетателями. Запорожье и Буг питали эти движения.

В Запорожских, Южнобугских и Ингульских степях нынешней Николаевщины было полное приволье и здесь могли организовываться крестьянские отряды и укрываться от преследований польской шляхты.

Страшными были для поляков моменты подъема гайдамацкого движения и беззаветно помогли запорожцы своим страдающим единокровным братьям.

Отважным и непреклонным в борьбе людом наполнялись в эти дни долины рек и речек — Буга, Ингула, Ингульца, Ташлыка, Громоклеи, Мертвовода, и т.д.

Россия все усиленнее укреплялась на землях запорожских. Левый Берег Буга все более превращался в русский.

В русско-турецкую войну 1735—1739 г.г. русским правительством было основано в 1737 году военное поселение-крепость "Александр-Шанц" на правом берегу Днепра и Днепровского лимана / на территории нынешнего Херсона/. Крепость эта охранялась запорожскими казаками.

По Белградскому миру между Турцией и Россией в 1739 году граница России и Турции между Бугом и Днепром определялась следующей вогнутой линией: начавшись от Буга — в верстах 40 ниже Голты-дуга пересекала реки: Мертвовод / в верстах 30 выше Вознесенска/, Громоклейку, Ингул / близ теперешнего села Привольное/, Висунь и Ингулец / у Белого Брода, теперь-Давидов / и кончалась эта дуга у Днепра в том месте, где в дальнейшем был Бизюков монастырь, т.е. в нескольких десятках верст выше Кизикермана / Берислав/. /Скальковский/.

Граница России, таким образом, была перенесена дальше на Юг, но претензия на Азов, Очаков и Кинбурн, "с пристойными границами" не была удовлетворена.

В царствование Елизаветы Петровны особым договором с Турцией 26 ноября 1742 года было присоединено окончательно к России запорожское войско с его землями. Границею между Российскими и Турецкими владениями сделалась река Буг. Правый берег оставался турецким, а левый стал принадлежать России.

Весь левый берег Буга фактически давно уже принадлежал России; но служа границей нашей с турецкими владениями часто подвергался вторжению турецких наездников, которые все грабили и истребляли. Здесь была беспокойная жизнь и край был слабо заселенным, владение им было номинальным в значительной степени.

II.

БОРЬБА ЗА БЕРЕГА ЧЕРНОГО МОРЯ, ПРИСОЕДИНЕНИЯ "НОВОРОССИИ" К РОССИИ И ОСНОВАНИЕ ГОРОДА НИКОЛАЕВА.

Борьба России за Черноморский берег была борьбой за восстановление старых традиционных связей русского государства с южными странами через море. Здесь Россия получила лишь то, что было необходимо для дальнейшего развития страны.

Владеющие на юге России землями турки и татары, делали притязания и на Северную степь, стремились отрезать Россию от моря, но Россия все энергичнее стремится к морю.

Продвижению к морю предшествовало включение Украины в состав Российской империи, как обычной ее части, с уничтожением последних остатков ее самоуправления и ликвидацией казачьих вольностей.

В 1764 году ликвидировано украинское гетманство с заменой его русской администрацией; идет наступление и на Запорожскую Сечь.

Вольных **казаков** правительство стремилось превратить в крепостных русских помещиков. Украина и Запорожье постепенно становятся театром сплошной помещичьей колонизации, театром колонизации русского дворянства.

Указом 1764 года - 22 марта/ Екатерина II-я приказала территорию от верховьев реки Ингула до местечка Орел, расположенного на реке Синюхе, у польско границы, назвать Новороссийской губернией / так в первый раз официально встретилось название Новороссийского края/.

Огромную роль в закреплении русскими помещиками украинского казачества и крестьянства при Екатерине II-й играл ее фаворит- Потемкин.

В 70-е годы XVIII века, по отзывам иностранных послов, Потемкин стал " самым влиятельным лицом в России".

Для продвижения России на юг, она имела благоприятные внешние условия. Об этих благоприятных условиях неприступной в обороне и войне России, Энгельс пишет: " Соседями этой однородной, неприступной страны были сплошь страны, пришедшие, повидимому, или и на самом деле в упадок, приближавшиеся к разложению и представлявшие поэтому подлинно объект для завоевания. На севере Швеция___ на юге-турки и их данники крымские татары представлявшие собой лишь обломки прежнего величия..." /Энгельс, т.XVIII /.

С колонизацией России на очередь ставится задача изгнание турок с северного побережья Черного и Азовского морей,

В особой записке, поданной Екатерине II-й, Потемкин наметил целый план как овладеть Крымом, изгнать турок с побережья Черного моря и продвигаться к Балканскому полуострову.

Это отвечало интересам и русских помещиков, и русских купцов, так как открывало возможности и расширение государственной территории России, и овладение южными морскими торговыми путями.

К этому времени открытие для русской торговли Черного моря стало необходимым для дальнейшего развития крепостного хозяйства Российской империи, и в особенности на Украине.

Преградой к укреплению России на берегах Черного моря были данники Турции — причерноморские и крымские татары.

Перед войной, начавшейся в 1763 году, во всей Новороссийской губернии, кроме регулярных войск, находившихся на временных квартирах, было 100000 человек. Это весьма немного в сравнении с тремя миллионами десятин земли, розданной под заселение.

В 1770 году, после взятия Азова и Таганрога для отделения Новороссийской губернии, вместе с запорожскими землями, от татарских владений, была устроена новая днепровская линия крепостей / св. Петра, Захарьевская, Алексеевская, Кирилловская, Григорьевская, Никитинская и Александровская /.

Первая русско-турецкая война закончилась Кучук-Кайнарджинским миром / 1774 год /, которым и нормировались русско-турецкие отношения.

Все татары к северу от Черного моря, включая крымское ханство, становились независимыми от Турции.

После первой русско-турецкой войны 1768-1774 / по Кучук-Кайнарджинскому мирному договору за Россией остались Азов, Керчь, Кинбурн, Еникале, вся территория земель между Днестром и Бугом, на которые Россия претендовала еще во время Немировского конгресса 1777 г. Граница Новороссийского края значительно расширилась на юге. К нему в 1775 г. было присоединено Запорожье. До самого лимана легла граница по течению реки Южный Буг, оттеснив турок за Буг. Реки Южный Буг, Бугский и Днестробугский лиманы стали теперь

новой официальной границей между Россией и Турцией.

Хотя по Кучук-Кайнарджинскому миру земли у устьев рек, впадающих в Черное море — Днепре, Буга, переходили к России, но выхода в Черное море Россия фактически еще не имела, так как Очаков, стоявший между Днепро-Бугским лиманом и Черным морем еще принадлежал Турции.

Турки, будучи недовольными итогами войны с Россией 1768—1774 г.г., оставляют в Черном море, возле Очакова, 40 военных и 28 транспортных судов.

Запорожцы в это время считались уже русскими подданными.

Кучук-Кайнарджинский мир установил господство России между устьем Дона и Бугом. С этого времени началась на юге руководимая Потемкиным деятельность за освоение Черноморских степей.

В основу заселения края была положена правительственная и помещичья колонизация, продолжавшая идти из прежней гетманщины и правобережной Украины. Это обстоятельство придало с самого начала национальный украинский облик колонизации южных областей, получивших название Новороссии.

Быстро заселились южные степи с благодатной почвой и климатом, родные украинскому народу по традиционным связям, старым преданиям и свежим воспоминаниям только что пережитой кровавой борьбы с турками. Манила земледельца эта степь такими льготами, которые хоть на короткое время, а все-таки обещала приравнять его, вечно страдающего от нищеты и унижения, к тому идеальному свободному-крестьянину, образ которого носился в его воображении, вынашивался в муках десятилетиями, воскресал вновь и вновь и тогда когда он шел в Запорожскую Сечь и тогда, когда он примыкал к гайдамацким отрядам, и тогда, когда он вступал в славные отряды Богдана Хмельницкого. Южные степи заселяли беглые крестьяне, которых отсюда не могли вытеснить постоянно нападающие татары.

Но украинского и русского элемента при наличии крепостного права, препятствовавшего свободному передвижению населения, не хватало для заселения огромного малозаселенного края. Это вновь и в больших размерах вызвало попытки иностранной колонизации Новороссии. Особенно усилило правительство и иностранную, и русскую помещичью колонизацию после ликвидации в 1775 году последней просуществовавшей около 40 лет, Запорожской Сечи.

При разделе земель запорожских, Потемкин забрал себе самые лучшие-самые плодородные земли. Ничто не стесняло его выбор. Князю Вяземскому было передано 100 тысяч десятин возле бывшей Чертомлыцкой Сечи, князю Прозоровскому—100 тысяч десятин около Екатеринослава, графу Каменскому—19344 десятин и др. Много земли было роздано московским дворянам, таже, которая была не роздана в частное владение,— была оставлена за правительством и оно вскоре стало водворять на этих землях колонистов из Германии, Греции, Польши и др. стран. Колонисты получали ряд льгот от царского правительства на землях им чужих, а казаков и крестьян, которые оставались по селам скоро обратили в крепостных тех феодальных вельмож, которым достались эти земли.

Запорожские члены покинули Сечь-мать и только им одним известными протоками и устьями пошли в море, подавив горечь обиды. Остановившись у Тилигула, казаки скоро получили у турецкого султана разрешение основать Сечь на Дунае.

Манифесту 1763 года подробно перечислял все льготы, предоставленные правительством для переселенцев "чтоб все желающие в империи нашей поселиться иностранные видели, сколь есть велико для пользы и выгоды их наше баговоление". Переселение немцев преследовало и другие, политические, цели. Немецкие переселенцы были, прежде всего, идеологически связаны с сектой менионитов, борющейся с революцией.

Один из предыдущих манифестов Екатерины приглашал всех русских подданных, удалившихся за границу, свободно возвращаться обратно.

Екатеринские победы над Турцией породили молву о славе и силе русской державы, которая громким гулом расходилась во все стороны иноземной и русской земли. Слухи о силе русского государства доходили и до Польши. Среди русского, белорусского и украинского трудящегося населения, угнетенного польским государством, появляется движение в эмиграцию. Целая волна русского населения, закабаленного Польшей, хлынула во все еще пустынное Прибужье. Здесь беженцы надеялись получить от сильной русской власти обеспечение желанному спокойному житью.

Когда в 1775 году русскими войсками были заняты земли запорожского войска, то "города, жилища и уголья тамошние" были присоединены к Новороссийской губернии / выделенной в составе Новороссийского края, вместе с другой губернией-Азовской/, разделенной в 1776 году на две провинции: Елисаветинскую и Херсонскую.

Турки, подстрекаемые Европейской коалицией, строили в отношении России захватнические планы реванша.

На Днепровских порогах не существовало запорожской вольницы, которая в течении двух веков славно отражала удары нападающих с юга соседей и принимала всю тяжесть удара часто на себя.

Это прекрасно учитывали враги России, смотревшие с большой тревогой на растущую мощь русского государства. И если не удалось шведам разбить Россию, то теперь должна была по коварным замыслам коалиции, осуществить это Турция.

В этом и заключался тайный смысл русско-турецких войн, проходивших в 70-х и 80-х годах XVIII столетия.

Однако слабость Турции все более возростала, что проявлялось, прежде всего, в позиционном движении, начинавшемся среди славян, румын, греков и других покоренных крестьян.

" Поэтому России стоило лишь объявить в своем призывании защищать угнетенное православие и поработенное славянство, — и под маской освобождения здесь была уже готовая почва для завоеваний /Энгельс, т.ХVI. часть2/.

Во время войны, агенты русского правительства, ставшего в позу "освободителя" христианских народов Турции, подстрекали греков к восстанию против турок, переманивали христиан на русскую территорию.

В 1769 году, во время русско-турецкой войны, когда русская армия находилась под Хотинном, собран был Бугский полк из молдован, валахов и из других христианских народов, живущих за Дунаем.

Так образовался Бугский полк из молдован и валахов.

Фантазии русского царизма о мировом господстве, о превращении во временную Феодальную монархию порадили традиционный план завоевания Константинополя. И завоевания на юге, приобретения низовых степей между Бугом и Днепром, отвечало этим вековым стремлениям и им служило.

Готовясь к новой войне, русское правительство принимало меры к созданию на Днепре сильного флота, так как с турками приходилось воевать не только на суше, но и на море. На Черном море стали возникать прочные опорные русские пункты.

В 1775 году Екатерина II-я приказа " сведущим" людям объехать берега Днепра и при впадении его в Черное море избрать место для устройства новой верфи. Остановились на том участке, который был указан адмиралтейской комиссией урочища "Глубокая пристань".

Царительство приступило к сооружению баз Черноморского флота и самого флота Днепровской верфи, названной впоследствии

Херсоном. Екатерина советовала возводить город Херсон " в месте не ко всему удобном, назначая оное по соображениям выгод морских и сухопутных".

Вскоре на месте полевого укрепления Александр-Шенц, построенного русскими войсками еще в первой половине XVIII века, во время похода на турецкую крепость Очаков, был заложен новый город Херсон.

II августа 1778 года — фельдцейхмейстер, генерал-поручик Иван Абрамович Ганнибал, крестник Петра первого, был назначен главным командиром над строением Херсонской крепости и главной верфи, причем ему была дана инструкция, гласившая, что "вся ожидаемая от сего знаменитого для государства здания польза состоит в том, чтобы оное со всей возможною поспешностью до наступления осени, если не совсем отстроено, то по крайней мере, все земляные работы, обеспечивающие все те места, были действительно окончены".

Русское правительство спешило и 8 сентября 1778 года было приступлено к фортификационным работам. Правительство не жалало ни средств, ни рабочих, предоставив их в распоряжение Ганнибала. Одновременно с этим шла ускоренная постройка верфи, на которой еще в 1775 году приступили к изготовлению военных судов. Первым был заложен 66 пушечный корабль " Слава Екатерины". Для вооружения крепости были отправлены в Херсон 220 орудий, а в Кременчуге учреждены оружейный и литейный заводы.

Почти одновременно с Херсоном в устье Ингула / у места впадения его в Буг/ была построена новая русская крепость. Об этом говорит "Генеральная карта Новороссийской губернии, разделенной на уезды, сачиненная в 1778 году Иваном Холеневым". На этой карте на месте нынешнего Николаева, была обозначена русская крепость Новогригорьевская.

В 1783 году, когда в Херсоне был спущен на воду первый

корабль " Слава Екатерины", в доках на стапелях стояли два других многопущенных корабля, крупной величины, начатые постройкой: "Святой Павел", рассчитанный на 66 пушек— в ноябре 1780 года, "Мария Магдалина"— в 1782 году.

Для строительства флота все больше и больше требовался строевой корабельный лес. Потемкин усиленно собирает сведения об имеющихся в Херсонской губернии лесных участках, дает распоряжение о составлении географической карты Херсонской губернии.

Потемкин, под непосредственным наблюдением которого строился город Херсон, хотел сделать его таким же цветущим и знаменитым, как древний Херсонес Таврический / Д.Багалей " Колонизация Новороссийского края", стр. 444 в "Киевской старине" № 5, за 1889 г/ или во всяком случае сделать его Южным Петербургом, или вторым Амстердамом.

Деятельным сотрудником Потемкина и Ганнибала в строительстве Херсона был Кременчугский купец Фалеев. Он предложил Потемкину на свои собственные средства очистить Днепровское русло у порогов, для безприпятственного движения судов из внутренних областей государства к Херсону. Хотя цель и не была достигнута в полной мере, но уже в 1783 году сравнительно легко прошли прямо в Херсон из Брянска баржи с железом и чугуном / "Русский архив", 1867г./.

В начале 80-х годов XVIII века усиливаются торговые сношения Херсона, как с русскими городами, так и с Литвой и Польшей, а также с французскими портами через Черное море.

Огромную роль в усилении торгового значения Херсона сыграли иностранные купцы и предприниматели, поселившиеся здесь,

Уже в первые годы своего существования, Херсон, как торговый порт, был связан с Корсикой, портами Црванса, Ницци, Генуи, Браселонн / Записки Одесского общества, XIII, стр. 156/, Смирной,

крепость, чтобы окончательно обезопасить от вражеских вторжений пограничные селения

В 1784 году Екатериной II-й был дан указ Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору Потемкину об устройстве новых укреплений. Этим указом предложено было устроить укрепление при впадении реки Тясьминь в Днепр, "где оба берега всей реки начинают быть русскими", крепость Ольвиопольскую, укреплением в устьи реки Ингул" в стороне Очаковского круга, как для обеспечения, так ради прикрытия магазинов, которые во время войны с турками тут быт должныствуют" / Полное собрание законов, т. XXII, № 15929/.

Превращались в сильные крепости такие ^{как} Кинбурн, Херсон, Днепровская крепость / на Збурьевском Лимане/.

На основании этого распоряжения берега у устья Ингула были укреплены и ограждены гарнизонной командой.

Упомянутое в указе укрепление у устья реки Ингул /на территории нынешнего Николаева/ существовало еще раньше под названием "Новороссийская крепость". Здесь, в этом указе, имеется ввиду, очевидно не построение этой крепости, а лишь ее переборудование и укрепление.

Заслуживающим внимания является сохранившееся в народе предание о погребении на территории этой крепости в 1784 году, первого русского баснописца Ивана Ивановича Хемницера, повторенное затем позднейшей литературой.

Итак, в воздухе пахло новой войной с Турцией.

В это время, по преданию, сохранившемуся между сторожилами Николаева, случилось следующее происшествие: прежде открытия новых военных действий с Турцией, в одну прекрасную ночь, турки, переехавшие через реку, на Фаброву дачу / Спасское урочище/ разграбили и убили бывшую там женщину. По этому поводу возникла жалоба, вследствие которой назначена была комиссия из русских и турецких чинов-

ников для разбирательства дел. Один из членов русской комиссии зная, что князь Потемкин давно отыскивал место более удобное для кораблестроения, чем Херсон, сообщил князю, что Буг в окрестностях того места, где находится Фарева дача, представляет собой все желаемые удобства для приведения в исполнение намерений по этому предмету. Потемкин тогда же послал Фалеева, который осмотрев местность, признал удобным устроить верфь, при впадении Ингула в Буг /" Николаевский вестник", за 1865 год/.

Вскоре после поездки Екатерины II-й по югу, русскому послу в Порте Булгакову, были предъявлены требования Турции; отказать от протектора над Грузией, отозвать русских господарей из Ясс, Бухареста и Александрии, поставить под турецкий контроль плавающие по Черному морю русские суда. 16 августа 1787 года русский посол в Турции был заключен в семибашенный замок.

В 1787 году началась, давно ожидавшаяся, вторая война с Турцией, продолжавшаяся до 1791 года.

Еще до объявления войны, несколько судов из турецкой эскадры, состоящей при Очакове, воровски отделились, и 21 августа напали на наш фрегат "Скорый", под командою капитана-лейтенанта Обольянинова и бот "Битюг" под командованием штурмана Кузнецова, которые ожидали близ Кинбурна прибытия спущенных в Херсоне кораблей: 66-пушечного "Владимира" и 50 пушечного "Александра Невского"

После 3-х часовой перестрелки, наш фрегат лишившись фор-стени и имея повреждение в такелаже, пошел к -"глубокой пристани" Преследуемый всеми турецкими судами "Битюг" должен был уйти по следам "Скорого".

Генерал-губернатору Новороссийского края-Потемкину пришлось взять на себя роль полководца. С началом войны Потемкин поручил запорожскому старшине Сидору Белому и Захару Чепеге собрать как можно больше казаков. В обстановке начавшейся войны этот призыв не был безответным. Хотя и не поладили казаки с русским правитель-

ством, ушли за Дунай, но родные края, и родная страна звали их, они были в душе и сердце украинского днепровского казака.

И когда Россия сталкивалась с внешними врагами—обиду и боль забывали казаки.

Почти все из тех запорожцев, которые перешли к туркам и жили в очаковских степях, откликнулись на призыв и вернулись; много вернулось и задунайских казаков.

В Береславе собралось уже более 12000 запорожцев и Белый перешел с ними в Прогной, быв. запорожскую паланку на Кинбурнской косе, а потом стал кошем в Васильковке, на левом берегу Бугского Лимана. Снова появились здесь казацкие курени и сечевые порядки. Войско это стало называться "верное войско запорожское" /"Войско верных черноморских казаков"/.

Войско это имело свои лодки, галеры, чайки, байдарки и много помогало русскому флоту во время второй войны с Турцией.

И снова на землях Николаевщины гремела слава запорожских казаков. Во второй русско-турецкой войне войско верных казаков вместе с русскими воинами, утверждало Россию на берегах Черного моря.

Однако русские войска не были достаточно подготовлены к войне. Потемкин, на которого возлагались большие надежды, проявил растерянность, действовал медленно и неуверенно и думал даже об уступках.

В августе 1787 года Суворов примчался в Херсон и принял начальство над 30 тысячным корпусом. Ни минуты не отдыхая, он спешно укреплял береговую линию, ставил батареи, распределял войска, приводил в порядок военное устройство фронта и тыла, лично знакомился с местностью. Он разъезжал по всем угрожаяемым пунктам, давал инструкции, изучал броды, наблюдал за турецким флотом, объезжая форпосты, обучал свои войска.

1-го октября началась бомбардировка Кинбурнской крепости. С выстрелами из пушек, турецкие корабли приблизились к берегу.

Турки готовили себя выгодную позицию, подошли к первому валу Кинбурнской косы. Турецкий боевой флот стоял в нескольких сажнях от Кинбурна, направив дула пушек на Кинбурн. Турки в два раза превосходили русских по численности.

17-го октября подошли к Кинбурну все турецкие корабли и мелкие судна на близкое расстояние.

Узкая Кинбурнская коса была завалена пушечными ядрами. Турки лавами, с криком: Алла, алла: накинулись на русскую пехоту. Русские, переступая через трупы, наступали на турок. Но выход из строя большого количества русских командиров и раненного в грудь картечью Суворова внесло замешательство в русские войска. Суворов, несмотря на рану, продолжал давать боевые распоряжения.

Получив подкрепление, Суворов приказывает лейтенанту галлеры "Десна" Ломбардо атаковать турецкие корабли. Кинбурнская батарея ударила по турецкому флоту, конница налетела на турецкие фланги. Турки должны были спасаться бегством.

Отличное руководство боем со стороны Суворова, его настойчивость, героизм и отвага русских войск, русских моряков решили дело победы. Суворов в своей реляции, сообщая о победе войск, писал: "Гренадер Степан Новиков, на которого уже сабля занесена была, - в близости моей бросился на противника, умертвил его штыком, другого за ним следующего застрелил и бросаясь на третьего они побежали назад. Следуя храброму примеру Новикова, часть наша погналась за неприятелем на штыках".

Под Кинбурном сражались лучшие турецкие части-янычары. Солдаты Суворова распевали сложенную им песню: "Наша Кинбурнская коса, вскрыла первые чудеса".

Так, 17 октября 1787 года, русские, разбив турков укрепились на Кинбурне.

В память победоносного сражения с турками на Кинбурне, в крепости была построена церковь во имя "Покрова".

На том же месте, где была эта церковь, до 1885 г. находился столб с иконой "Покрова Богородицы", на которой внизу был изображен Суворов, молящийся за победу.

При иконой были написаны стихи, не блещущие художественными достоинствами, но напоминающие знаменательные события.

"Паша клянясь алвораком, яростно простер на косу десант.

Здесь перед святым престолом, Суворов бога молил

Не гряди надменный агарянский флот подступил
Велик бог Суворов победил,
Десант и клятву мечем истребил".

Но задача заключалась в том, чтобы выбить турок из важнейшей их крепости — Очаков.

Главным турецким опорным пунктом являлась сильная крепость Очаков. Через две недели после Кинбурнского сражения Екатерина писала: "Важность Кинбурнской победы в настоящее время понятна; но думаю, что с той стороны не можно почитать за обеспеченное, донеже Очаков не будет в наших руках".

Екатерине II-й пришлось с величайшими усилиями завоевать берега Черного моря и овладеть ими нельзя было, не взяв сильную турецкую крепость, закрывавшую выход в море — Очаков.

Лишь после удачной защиты Кинбурна Суворовым, Потемкин стал действовать решительнее, и разбив турок за Бугом, осадил в декабре 1787 года турецкую крепость — Очаков. Осада велась не энергично, много солдат погибло от болезней, стужи и нужды в необходимом.

Медлительность Потемкина крайне нервировала Суворова.

—Одним гляденьем крепости не возьмешь,—сказал как-то Суворов,— так ли мы турок бивали...."

Услужливые друзья Потемкина передали ему эту фразу Суворова.

Простояв четыре недели в полном бездействии у Очакова Суворов не выдержал, бросился в атаку и был ранен. Между тем у Потемкина, подобно Прутковскому барону Гринвальдусу, "все в той же позиции на камне сидит". У Суворова немедленно извлекли пулю и перевязали рану. Во время операции появился посланный Потемкина. Главнокомандующий грозно спрашивал: что происходит. Корчась от боли Суворов велел передать: "я на камушке сижу, на Очаков я гляжу". Главное побуждение Суворова начать битву—протест против инертности Потемкина.

Осада Очакова приняла затяжной характер и армия потребовала подкрепления флотилии. Требовалось ускорение постройки и увеличение количества кораблей для нужд Черноморского флота.

Однако, Херсонская верфь "Глубокая пристань" занималась лишь модернизацией взятых в плен вражеских судов, а также постройкой мелких морских судов.

Херсонское адмиралтейство справиться с задачей обеспечения России флотом была не в силах. Кроме того судостроительная верфь в Херсоне не удовлетворяла в стратегическом отношении: для русских судов, построенных в Херсоне в 1778 году, выход в море был закрыт крепостью Очаков.

Русские войска предводительствуемые князем Потемкиным тщетно стояли под стенами Очакова. Турки упорно защищались и не думали о сдаче крепости, поддерживаемые с моря флотом, который подвозил им подкрепления и запасы.

Турецкий флот в 1788 году подступил к Очакову, осажденному войсками Потемкина; у входа в Лиман он встретил одно из русских судов "Дубель"—шлюпку, под командой капитана II-го ранга Сакена. Окруженный целой эскадрой Сакен отстреливался от нее до последней возможности и когда убедился в бесполезности дальнейшей борьбы,

сцепился с ближайшим турецким кораблем и вместе с ним взлетел на воздух. Самоотверженность русских моряков изумила неприятеля и после этого события турки ни разу не связывались с нашими судами на абордаж даже тогда, когда к этому представлялся благоприятный случай.

После гибели Сакена, легкие суда неприятельской флотилии ходили по лиману вверх, пытаясь разгромить русские суда. Они подходили несколько раз к казацким лодкам, стоявшим в 35 верстах от Кинбрунской крепости, под прикрытием двух батальонов мушкетеров, расположенных на берегу, но всегда безрезультатно возвращались в Очаков.

Днепровская флотилия стояла укреплёнными батареями Станиславской косы на якорю. Парусные суда русской флотилии были построены в боевом порядке поперек Днепровского лимана, с сильным аррьерградом. Гребная флотилия прикрывала парусные суда.

Лиманский отряд два раза подвергался атаке турецкой эскадры / 17 и 18 июня/, но оба раза атака была отбита.

В борьбе с турками, русскими войсками значительную помощь оказали те запорожцы, которые после уничтожения сечи не перешли в Турцию и из которой было составлено так называемое "войско верхних казаков".

Во время осады Очакова, казаки верного войска запорожского, под руководством Головатого, оказывали поддержку русским воинам. Они шли через село Коренниху / несколько километров от нынешнего Николаева/ и далее через Аджигол до Очакова. Здесь казаки стояли до осени.

Когда Кабудак-паша со своим флотом покинул отсрив Березань, на котором он сделал мощные крепости и где имел богатые запасы пороха и продовольствия, Потемкин приказал казакам взять этот остров.

Запорожцы, возглавляемые атаманом Головатым, 7 ноября 1788 года сбили турок с береговых батарей, заняли их и турецкими пушками стали обстреливать березанские крепости. Остров был взят. Штурм, а затем захват казаками скалистого острова Березань под Очаковым, был тяжелым ударом для турок, осажденных в Очакове.

Через месяц после взятия Березани, казаки штурмовали уже Очаков вместе с русскими войсками.

Все эти события по борьбе за Черное море войско верных казаков было переименовано в "войско Черноморское", кроме этого казакам были подарены завоеванные турецкие земли вдоль Черного моря от Буга до Днепра, Кинбурнская коса с озерами, а также Еникальский и Таманский округа. "Запорожский кош" утвердился в Слободзее.

Черноморцы с большой охотой стали заселять эти земли. Бывшие запорожцы, создав черноморское войско, имели на Николаевщине следующие села: Оники / на р. Березани/, Аджигол / на Березанском Лимане/, Чичиклей / на р. Чичикли/, Солониха, Троицкое, Ковалевка, / на р. Буг, Песчанная /Урочище Голенька Балка и др.

В Солонихе найдены две небольшие запорожские пушки, которые ставились на Чайке во время походов на Черное море.

Осада Очакова все еще продолжалась. В распоряжении же Потемкина была незначительная флотилия. Уже все места на Днепре, удобные для строения судов, были заняты верфями, но этого было недостаточно. Потемкин искал поблизости другое место и вновь обратился к тому месту, которое было указано Фалеевым при впадении Ингула в Буг, на север от Очакова. Место это было пустынное, безлюдное и почти необитаемое на десяти верст в окружности, но удобное для строения судов.

"... Рассказывают, что Потемкин в один из приездов своих на Буг к армии, обзревая избранное им для кораблестроения место..

пришел в восторг и как бы видя перед собой целые флоты, прослезившись, воскликнул: "О! Теперь Черное море наше, и потомство отдаст мне справедливость". / Николаевский вестник № 41, за № 1865 год "Отрывки из описания города Николаева/.

Русское правительство, в лице главнокомандующего военными силами на юге Потемкина, приказало летом 1788 года заложить новую верфь для постройки военных кораблей у устья Ингула.

23 марта 1789 года последовал " ордер" князя Потемкина.

"...Завести верфи на Ингуле, куда мастеровых и инструменты обратить. Лес там заготовить на два корабля".

/Фонд Черноморского Адмиралтейского Правления.
Д. 12576, связка 149, лист 10/.

Потеряв от дизентерии и стужи половину людского состава и почти всех лошадей, Потемкин решился на то, что полгода назад предлагал ему Суворов. 1-го декабря 1788 года он издал приказ: "Истоца все способны к преодолению упорства неприятельского и преклонению его к сдаче осажденной нами крепости, принужденным я себя нахожу употребить, наконец, последние меры. Я решился брать ее приступом и на сих днях произведу оный в действие".

План штурма русскими Очакова предполагал совместное наступление: с Кинбурна – войск Суворова, с суши – Екатеринославской армии, а с моря – должен был присоединиться русский флот.

Крепость со всех сторон была окружена.

6 декабря с 7 часов утра при большом морозе начался штурм Очакова 5-ю колоннами. Первым на вал вскочил Иван Петрович Горич, который первым вступил на крепость вместе со своей смертью.

6 декабря 1788 года после длительной осады был взят Очаков, в значительной степени при помощи кораблей, выстроенных на Ингульской верфи.

Об этом подвиге русских войск Потемкин сообщал в особом письме:

" Правителю наместничества Екатеринославского господину действительному ^стйскому советнику и кавалеру Каховскому. Очаков, по жестком и отчаянном сопротивлении, 6 декабря с его крепостью, ретраншаментом и замком Гассан-Пашинским взят штурмом. Воинство, которым я имел честь командовать, оказало при том случае опыты беспримерного мужества и неустрашимости. Турки, при всем многочислии своем не могли выдержать сильного наступления, всюду сломлены и опровержены. Более 8 тысяч погибло их в сем кровопролитии деле. Знатное число досталось в плен с Пашею Трех-Бунчужным, более 300 орудий взято артиллерии. Наш урон простирается убитыми и ранеными до 2 тысяч человек. Генерал-майор князь Волконский и бригадир Горич пожертвовали тут жизнью. Вашему превосходительству предпосылаю о принесении благодарственного всевышнему молебствия.

Князь Потемкин-Таврический.

... Декабрь 1788 года / Записки Одесского общества, том 2-й, 1850 год, стр. 472/.

В числе раненных на русской стороне были Суворов и генерал-майор Кутузов.

Потери трех тысяч человек представляли собой незначительную часть того, что унесли морозы и болезни.

В Пруссии известно о взятии Суворовым Очакова 6-го декабря 1788 года было названо.

Екатерина же сказала: " Английский король болен более чем когда либо, прусский продолжает свои происки, испанский-при смерти, польский- попрежнему сумасбродствует, но Очаков взят, а что раз взято, то и сберечь надо". /Дневник Храповицкого от 4 января 1789г. "Русский архив" за 1902 год/.

Новая вервь на Ингуле 27 августа 1789 года по приказу Потемкина, утвержденному в 1790 году Екатериной II, была названа город Николаев", в память взятия русскими войсками крепости Очаков в

день / 6 декабря 1788 года/, когда русская официальная церковь отмечала праздник " святого Николая".

Подчиненный Потемкина, исполнительного воли, Михаил Фалеев, получил от Потемкина ордер, присланный из лагеря при Дубоссарах:

"Фаберову дачу именовать Спасская, а Витовку-Богоявленской.

Новозаводимую верфь на Ингуле-город Николаев. Как скоро будет из чего, то строить казармы, не разбиваясь, а к месту.

Князь Потемкин-Таврический
Август 27, 1789 года / Фонд Николаевского военного губернатора, арх. № 12477, т.10, связка 150.

В ходе второй русско-турецкой войны граница России была передвинута с Буга к Днестру.

Вторая турецкая война, предоставила в руки России Очаковскую область, обнимающую территорию низовьев Буга, Днестра, которая, по распоряжению правительства стала усиленно заселяться военно-земледельческим населением: казачьими полками, потомками запорожцев-черноморским казачьим войском-, сербами, образовавшими гусарские полки и т.д.

Суворов взял Кинбурнско-Очаковскую зону, и одержав победу у Фокшан и Рымника, Очакова и Измаила, завершил цикл борьбы за южные морские выходы.

На занятых землях заложены были новые верфи, стали расти новые города, центры судостроения, крупные порты.

Суворовские победы, победы славного черноморского флота, закрепили за Россией Южное море. Флот наш получил право свободного прохода через проливы.

Николаев, как центр русского черноморского судостроения, начинал жить и бурно развиваться.

голубого Дуная, Днепра, Южного Буга, к великим рекам, на которых веками сидели наши предки.

Выйдя на берега Черного и Азовского морей, русский и украинский народы выступили не как завоеватели чужих земель и покорители других народов: они возвращались на свои исконные земли, на места поселений древних тиверцев и уличей, на земли с древности знакомы русскому человеку.

Черноморский флот открыл нашей стране исстари принадлежавший ей путь "из варяг в греки". Опять Русь стала хозяином в "Русском море".

Война и дипломатическая борьба разрешили существеннейший для государства вопрос безопасности морских границ и путей.

Россия выходила из многовековой борьбы за возвращение себе старинных земель с победой и славой. Народ перенес на своих плечах всю эту героическую борьбу, которая оставила величественные следы в памяти и в национальном характере народа, в его песнях, в скульптуре и живописи.

Большее четверти XVIII века прославляли войны с Турцией русское оружие и доблесть русских чудо-богатырей.

Едва ли мы найдем на карте земли нашей Родины другой такой уголок, с которым было связано столько славных, героических воспоминаний / где бы события и имена так блестяще вошли в летопись славной эпохи русской армии, как здесь на Юге/.

Румянцев, Суворов, Кутузов, Кинбурн, Очаков, Рымник— эти имена и события истории нашего Юга, есть славные имена и вехи истории всей нашей Родины.

Владычество России над Черным морем, утвержденное доблестью наших солдат, матросов, трудящихся привело к созданию славного Черноморского флота, колыбелью которого стали Николаев и Херсон.

На "Новой верфи", на которой вырос затем город Николаев, была сформирована первая парусная эскадра Черноморского Военно-морского флота, которая участвовала в боях под Очаковым, в утверждении России на море.

Владение берегами, а тем более морем, могло быть достигнуто исключительно при наличии сильного флота. Черноморский флот стал полным хозяином на Черном море, где слава и победы принадлежали нашим русским флотоводцам: Сенявины— отец и сын, Ушаков, Пустошкин и др.

Начиная с последних десятилетий XVIII века в северном Причерноморьи шел процесс необычайно быстрого заселения и обширный край обстраивался и покрывался густой сетью сел, деревень, колоний и городов.

Важнейшим результатом присоединения Новороссии, как и ранее Украины к России, является включением ее в Централизованное государство. Политическая централизация является могучим фактором экономического и культурного прогресса.

Как присоединение Украины к России обуславливало дальнейшую общность исторического процесса обоих народов, так точно и присоединение к России южных степей Новороссии, во II-й половине XVIII века, содействовало дальнейшему ее росту и развитию.

Конечно, присоединение Украины к России не принесло ни социального, ни национального освобождения украинскому народу, так как царская Россия была тюрьмой народов.

Политика царизма со II-й половины XVIII века делалась все более реакционной.

Но украинские элементы в Новороссии и в XVIII веке и XVII в. были слишком слабы, чтобы организовать самостоятельное государство, которое смогло бы противостоять захватническим притязаниям польской шляхты и Турции.

Их же братья, народ Украины, уже более века были в составе Российской империи. В этой обстановке, благодаря общности интересов украинского народа и русского народа, благодаря поддержке русского народа освободительной борьбы против национального порабощения украинцев со стороны поляков и турецкого султана, присоединение Украины в XVIII веке, а теперь и Новороссии к России, делалось неизбежным,

Здесь идет речь не о простом присоединении исконных русских земель к Российской империи, не о воссоединении одного русского народа, как обычно изображались подобные вопросы буржуазно-дворянской националистической историографией, защищавшей великодержавную политику российского царизма и отрицающей право украинского народа на свою самостоятельную историю, а о воссоединении украинского народа в пределах Украины, находившегося в союзе с великорусским народом.

Присоединение Украины к России было в свое время элементом в развитии российского многонационального государства.

Но присоединение к Москве было единственным исходом, создававшим возможность дальнейшего исторического развития украинского народа, на основе союза двух братских народов — великорусского и украинского.

Поэтому вопреки великодержавной политике российского царизма в борьбе с ней, этот союз двух братских народов и в тюрьме народ продолжал расти и крепнуть, чтобы закрепить свою независимость в советскую эру, в эру пролетарской революции.

Трезвый разбор конкретной исторической обстановки II-й половины XVIII века дает твердое обоснование тому, тезису, что присоединение Новороссии к России было наименьшим злом, представляло собой в конкретной сложившейся обстановке прогрессивное явление.

Черного и Каспийского морей, на народы Востока, " Русское государство, пишет Энгельс, было цивилизующим для Черного и Каспийского морей, и для Центральной Азии", / К.Маркс и Ф.Энгельс. "Письма", стр. 52, Союзгиз/.

Основывая Николаев, царское правительство имело ввиду затаенную цель: кроме укрепления своего владычества во вновь завоеванных землях, — создать плацдарм для новых завоеваний в Турции.

Есть все основания считать, что именно в Николаеве Екатерина II-я поставила известный из публицистики, столб с надписью "Дорога на Константинополь". "Еланский. " Исторические записки". Николаев. Конец XIX века/.

Николаев должен был сыграть огромную роль в завоевании Турции и это стремление к завоеванию проходило под флагом "покровительства" всем христианским подданным султана, которые должны были зависеть не от него, а от России,

В Николаеве создавалось все для того, чтобы напомнить христианскому населению Турции о временах Византии, о "стремлении" христианской России освободить своих "братьев-христиан" из под гнета ислама, о "призвании" России защищать угнетенное православие.

Стремление к завоеванию Константинополя, бывшей столицы христианского мира, отражалось во всем развитии Николаева, Оно отражалось в эмблемах, присваиваемых городу, в его архитектурном строительстве, в различных правительственных официальных мероприятиях.

Основывая город, Потемкин имел ввиду не только судостроение, не только захват проливов и борьбу с буржуазной революцией, но развертывание торговли.

Потемкин хорошо понимал, что здесь, благодаря природным удобствам, могла развиваться обширная торговля и, что отсюда могла владеть Россия и Черным морем.

Подтверждением этого мы видим во всех распоряжениях Потемкина и в том, между прочим, что для ускорения развития Николаева он обещал исходатайствовать Николаеву порто-франко на 20 лет. Потемкин думал, что для свободы движения обозов и многочисленного населения торгового города, немаловажное значение составляют улицы, он учитывал это при планировке города.

"Потемкин умышленно придал чрезмерную ширину улицам города и площадям, для того, чтобы в этом городе, где он думал сосредоточить строительную и продовольственную части всего черноморского флота и всю черноморскую торговлю, могли бы свободно двигаться те многочисленные обозы чумаков, которые должны были доставлять к этому пункту огромное количество разнороднейших грузов".

/Ф. Николаев. Гор. Управления Архивов № 351/.

Когда развернулись строительные работы на новой верфи, царское правительство, оценив ее удобное военно-географическое положение, создает проект постройки именно здесь, в Николаеве, отказавшись от Херсона, крупного адмиралтейства.

В 1789 году Фалеев получает от Потемкина приказание:
" ... Сколько для лучшего и удобнейшего построения кораблей места, столько и для здорового воздуха и чистых вод, положил адмиралтейство из Херсона перевести в

Николаев...

Большие корабли и суда все строить в Николаеве на Буге, определив доку бытъ и гавань деревянную сделать.

Изволил приказать: бытъ адмиралтейству и верфи на Ингуле, где и теперь построение кораблей производится".
"Фонд Черноморского адмиралтейского управления, ВХ № 217,
л. 15. Николаев/.

лаевакой верфи, а, следовательно и официально присваиваемые городу права и привилегии.

Николаев оправдал себя как верфь и город при спуске первого корабля.

Только по спуске 44 душечного корабля " Николай", происшедшем 26 августа 1790 года, Екатерина II-я признала Николаев городом.

Учреждается " канцелярия строения города Николаева". В истории градостроительства различают два типа планировки городов, исторически сложившихся; регулярный, в основе которого лежит сознательно и правильно построенный план, и нерегулярный, возникающий и растущий без плана, стихийно, Николаев представляет собой прекраснейший образец первого типа планировки.

В XVIII веке, когда в России стало особенно быстро взаимодействовать культурные традиции Европы, посредством торговых связей и в результате общего промышленного экономического развития страны, начинается деятельная перестройка старых городов, строительство же новых производится так, чтобы они были полностью приспособлены к укрепляющимся в стране общественным и производственным отношениям.

Город должен был во всем полностью удовлетворять требованиям своего времени и требованиям господствующих общественных классов.

Это целиком отразилось и на строительстве именно в эту историческую эпоху города Николаева.

В структуре города в XVIII веке обычно выделялись кварталы для чиновных дворян, для купцов, для мещан и разночинцев, кварталы для промышленных заведений, а также главная площадь, на которой возводились каменные строения городских присутственных мест и гостинные дворы.

Выделялись также площади для продажи сена и дров. Оформляли площади обычно казенные здания, торговые склады и другие постройки, подчиняющиеся в своей внешней архитектуре требованиям оформления площади в целом.

При основании Николаева имелись в виду не только потребности в создании сильной военно-морской базы, но и потребности Российского государства в оживлении внутренней торговли.

Аллегоричным в этом отношении является постройка Фалеевым ряда городских зданий, в которых как бы отражались и те и другие потребности государства.

Прекрасное двухэтажное здание Ратуши строилось для размещения в нем ряда учреждений военного ведомства и всех городских присутственных мест, а одноэтажные его крылья за колоннами — для лавок.

Поражающие своей шириной Николаевские улицы также свидетельствуют о двойственности задачи, поставленной правительством перед Николаевым. Основывая город, Потемкин, умышленно придал улицам чрезвычайную ширину, чтобы здесь, где он предполагал сосредоточить всю черноморскую торговлю, свободно могли передвигаться повозки и фургоны купеческих караванов. Потемкин заботился и о том, чтобы ширина улиц строящегося Николаева не препятствовала провозу огромных, 15—20 саженных мачтовых бревен, необходимых для постройки деревянных кораблей того периода.

Как видно из отведенных листов, застройкой города располагались и военное ведомство и Дума. Места под застройку домов в Николаеве отводились: служившим в морском ведомстве, в том числе и семейным солдатам, — их начальством с разрешения главного командира, вольнопоселявшимся людям — Думой с разрешения губернатора.

Основными элементами застройки кварталов города являлись:

индивидуальная усадьба и частный дом дворянина или купца.

При Екатерине II-й переустройство городов, а тем более в строительстве новых, проводится принцип деления города на центральную часть и предместья.

В центральной части / собственно городе / помешались официальные и правительственные здания, торговые помещения и частные дома / дворянские и купеческие /. Повышение административной роли города вызывало развитие и подчеркивание в них административно-управленческого центра.

На окраинах и в предместье города застройка была обыкновенно глинобитная и деревянная, здесь преобладали землянки и мазанки, в которых поселялись цеховые рабочие, солдаты и другие социально-угнетенные группы населения.

Характерным примером является план постройки города Николаева.

Схема первоначального территориального развития Николаева в основном сводится к застройке жилыми зданиями земельных участков, непосредственно тяготеющих к эллингу, верфи, докам, мастерским Адмиралтейства и административным учреждениям. В первую очередь места для своих усадеб занимали лица командного состава, купцы и т.п. В центральной части города могли селиться только дворяне, чиновники и купцы. Лицам других сословий земли для заселения здесь не отводились, им отводили под застройку земли на восток от адмиралтейства в так называемой рабочей слободке, где даже улицы назывались по цехам Адмиралтейства. Здесь Морским Ведомством отводились мастеровым небольшие участки земли, в строго-разбитых четвероугольниках-кварталах, с обязательством немедленной застройки этих участков домами; по строго выработанным казенным планам.

Так, в конце XVIII века, выросли две части нового города: привелегированная-центральная, прилегающая к бульвару, и рабочая часть, так называемая "Слободка", заселенная мастерами.

Слободка простиралась от 6-й Слободской улицы на северо-восток по направлению к бывшему Ракетному заводу, с постепенным расширением в сторону кладбища. Слободка простиралась также от Адмиралтейской площади по направлению к Одесской улице.

В конце XVIII века, Николаев охватывал незначительную часть территории только на левом берегу реки Ингула, вдоль теперешнего Бульвара, при наличии только нескольких параллельных улиц-Набережной, Адмиральской / Карла Маркса", Никольской /Роза Люксембург/ и перпендикулярной к ним Соборной /Советской/ с двумя-тремя кварталами. Это и была центральная привелегированная часть города.

В 1790-91 годах были построены многие казенные и частные дома, тогда же был построен гостинный двор и заложена каменная церковь по образцу Софийского Андрианопольского храма. Эта церковь освящена была во имя "Святого Григория" - великомученика Армении". Подражание Софийскому собору было еще новым свидетельством о стремлении поставить "крест на святую Софию" о стремлении заменить полумесяц крестом. Измайлов в своей книге "Путешествие в полуденную Россию" /II-99-100/ называет Адмиралтейскую Соборную церковь "Зданием вкуса и нежности..."

Адмиралтейская соборная церковь во имя святого Григория знаменательна тем, что внутренность ее украшена иконостасом, с иконами превосходной живописи, написанными Потемкиным из Италии. Она же имеет богатую ризницу, два креста, древнее Евангелие, подаренные Потемкиным из своей церкви в Яссах.

В 1790-91 годах в Николаеве в течении около 11 месяцев работал командированный сюда академик архитектуры-профессор Старов Иван Егорович. В это же время и ранее, сотрудниками Фалеева по строительству, города и верфи были архитекторы Варезет, Бестужев, Де-Волян, Вапрезани и др.

Гостинный двор, построенный одновременно с адмиралтейским собором, назывался "греческим рядом", и состоял из двухэтажных зданий, занимавших три квартала за собором. Каждый из этих кварталов состоял из сплошного ряда домов с открытыми галлереями. Греческий гостинный двор был центральным ^{местом} пунктом, развивающейся в городе торговли.

В 1790-1791 годах Фалеевым для Потемкина было построено здание, известное в дальнейшем под названием "Молдаванка", занимавшееся впоследствии собранием. / Ныне тут клуб военно-морской базы/.

Против "молдаванского дома" на территории нынешнего бульвара, рос лес, используемый для корабельного дела. Ниже, у пристаней, останавливались купеческие иностранные суда.

В начале 90 годов ХУШ века, у спуска к Ингульскому мосту, были поставлены по две стороны дороги каменные обелиски, так называемые подорожные мили.

Потемкин построил в Спасске, в конце 1790 года, дворец в турецком стиле. На балке Спасского урочища, рос дикий виноград, белый шиповник, фруктовые деревья. Здесь был источник ключевой воды. Потемкин приказал построить здесь фонтаны, из которых вода стекала в Центральный бассейн.

Посещавшие в этот период Николаев иностранные путешественники, указывали, что Спасское урочище, по всей природной красоте и живописи, превосходит прославленные Европейские уголки, в том числе и Неаполь, Ниццу и др. Неудивительно, поэтому, что именно

здесь намеривалось правительство построить Второй Версаль.

Николаев был первоначально не городом, а прежде всего военной судостроительной верфью, укрепленным местом, и частично портом для внешней торговли.

Верфь и адмиралтейство долгое время являлись базой существования Николаева, подчеркивая его военный и частично торговый характер.

Это целиком отразилось и на составе города и на его организации. Массы адмиралтейских рабочих имели военную организацию: экипажи, роты, команды; преобладало военное население.

В 1790 году Николаев был сделан уездным городом и вновь образованного Николаевского уезда, из частей Херсонского и Елисаветградского.

К концу этого года, почти все, первоначально предусмотренные планом адмиралтейства по берегам Ингула были окончены и соединены каменными стенами.

По приказу Потемкина, все что только имелось у устья Ингула, было приписано к адмиралтейству, все окружающее население должно было работать в его мастерских.

Вокруг адмиралтейства, вместе с этим, организованы адмиралтейские селения Воскресенское, Калиновка и Покровское, на селенные по царскому Указу 1789г.

Старое село Витольд-Гаммани, построенное еще литовским князем Витовтом при занятии им земель Буга в конце XIV века, Потемкин наметил для постройки в нем военного госпиталя, разведение аптекарского сада и учреждения училища практического земледелия, поручив это дело профессору Ливанову.

Крестьянство и все жители адмиралтейских селений были объектом самой хищнической эксплуатации военно-феодальной,

дворянско-крепостнической государственной машины. Николаев начинает усиленно заселяться. В 1789-1790 гг. Фалеев дает ряд распоряжений о поселении в Николаеве беспаспортных людей для доставления им "способа к приобретению и обогащению трудами рук своих при казенных работах".

Желающим поселиться в городе Николаеве и его окрестностях, отводятся места; поселившихся записывают в николаевские купцы и мещане, в Знаменские и Богоявленские поселяне, в адмиралтейские мастеровые.

Поселявшиеся в Николаеве беспаспортные получают места для постройки, лес, получают семена для посевов. Все поселившиеся назначаются на адмиралтейские работы / кроме купцов/.

В 1790 году в Николаеве присылаются "колодники", невольники и арестанты для отработывания положенных на них денежных взисканий". Условия труда и быта адмиралтейских рабочих были каторжными, таков же был быт и матросов Черноморского флота, Черноморский флот, стоящий на страже русских морских границ—место, где отбываются наказания. Порядки во флоте и армии вполне соответствовали всему строю русского крепостного общества.

В 1790 году в черноморское адмиралтейское правление в Николаеве были переселены служащие в армии три гренадера, совершившие побег за границу и там пойманные. Этим гренадерам "вместо заслуженной по закону смертной казни, дан способ заслужить свое преступление назначением их во флотские батальоны". Вместо смертной казни посылали во флот.

Вся жизнь в городе была сосредоточена вокруг адмиралтейства. Торгово-промышленное население тяготело к поставкам и порядкам, обслуживая адмиралтейство.

По Ясскому миру 29 декабря 1791 года к России отошли все земли между Бугом и Днестром. С этого времени было приступлено к более основательному строительству города Николаева.

В Херсоне и Очакове сохранилось много памятников, свидетельствующих о героической борьбе русского воинства с турками под стенами Очаковской крепости, о первых строителях городов Николаева и Херсона.

В склепе, под полом Херсонского храма "Спасителя", заложенного Екатериной II-й 30-го августа 1781 года хранится прах Потемкина-Таврического. Намогильная металлическая, вмурованная в мраморный пол Екатеринского собора, плита, с перечислением главнейших пунктов борьбы с турками, сохранилась до настоящего времени. На ней надпись:

"Фельдмаршал, светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический. Родился 30 сентября 1736 года, умер 5-го октября 1791 года. Здесь погребен 23 ноября 1791 года". По бокам надгробной доски перечислялись города, которые завоевывал или построил Потемкин: "Очаков 1788, Крым и Кубань, Херсон 1778, Анкерман 1789, Екатеринослав 1789, Бендеры 1789, Николаев 1788".

Внутри ограды храма погребены сподвижники Суворова и Потемкина, большею частью павшие при штурме Очакова. Здесь погребены: один из строителей Херсона, убитый под Очаковым, генерал И.И. Меллер-Закомельский и сын его-полковник, генерал-майор князь С.А. Волконский, принц Нассау, Молдавский князь Эммануил Россети.

В ограде этого Херсонского собора лежит могильная плита с надписью на мраморе: "Бригадир Иван Петрович Горич- большой убит 6 декабря 1788 года в г.Очакове".

Бригадиру Горичу 6 декабря 1903 г. был поставлен в Очакове, из пушечных ядер, памятник с надписью: "Славные подвиги твои живут с нами".

Остатки этого памятника сохранились в Очакове на углу Улиц Карла Либкнехта и Шмидта.

В ограде Екатерининского собора в Херсоне интересна мраморная могильная плита с надписью:

"Глас здесь лежащего мертвеца.....

.....

Я видел в жизни вся, был генеральский сын, еще в младых летах цвел славою как крин, донским полковником отечеству служил, близ стен очаковских врагов корил, губил. Но зло анархия в Очакова, в бою, коварно изорва похитил жизнь мою...

Сей Войска Донского генерал-майор и кавалера Дмитрия Мартиновича сын-полковник Петр Мартинов убит 1783 декабря 6-го дня, от рождения имел 21 год".

В ограде собора замечательной работы памятник с портретными барельефами и надписью: "Генерал-майор Синельников. Убит при осаде Очакова 10 октября 1788 года. Памятник этот возобновлен правнуками в 1902 году".

В ограде Екатерининского собора, на каменной плите бронзовая доска с надписью:

"Здесь друг отечества почтенный муж Корсаков, к желанию сынов России погребен.

Он строил город сей и осаждал Очаков,

Где бодрый дух от тела отлучен.

Инженер-господин полковник и орденов святого великомученика и победоносца Георгия и святого равноапостольского князя Владимира кавалер Николай Иванович скончался в 1788 году августа 24 дня".

Рядом с Корсаковым покоится прах его сподвижника-строителя города Херсона, прадеда А.А. Пушкина, генерал-Фольгцейхмейстера флота Ивана Ганнибала, уважаемого "всеми замечательными людьми славного века, между прочим и Суворовым... /Пушкин/ /Родословная Пушкиных и Ганнибалов", 1830 г./.

НИКОЛАЕВ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ ЭПОХИ И ПЕРИОДА НАЧАВ-
ШЕГОСЯ РАЗЛОЖЕНИЯ КРЕПОСТНОГО СТРОЯ.

В 1796 году, в связи с упразднением Вознесенской губернии, Николаев был причислен к Новороссийской, находясь по-прежнему в составе Херсонского уезда.

До 1802 года Херсонский уезд заключался в пределах обширной Новороссийской губернии.

По указу 8-го октября 1802 года, Новороссийская губерния была разделена:

"... Новороссийскую губернию, по уважению настоящего пространства ее пределов, для удобнейшего течения дел, разделить на три губернии: Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую. Николаевская губерния составит из нынешних четырех уездов: Херсонского, Елисаветградского, Ольвиопольского и Тираспольского...

Губернским городом сей губернии назначается Николаев...

Губернии Николаевская и Екатеринославская в штатах их и обряде управления, имеют состоять на точных правилах, в учреждении постановленных, и вновь изданных для всех великороссийских губерний положений...

Портовые города Одесса и Херсон были в Николаевской губернии. Общее управление губерниями Николаевской, Екатеринославской, и Таврической было дано Николаевскому военному губернатору Беклешову.

По Указу Александра I от 13 декабря 1802 года был назначен губернатором в Николаевскую губернию архангельский губернатор, действительный статский советник — Окулов.

19 мая, в сей самый день по назначению господина военного губернатора на всех знатных улицах и местах города Николаева

при игрании на трубах возвестится полицейскими чиновниками, что на утро по высочайшей его императорского величества воле воспоследует открытие Николаевской губернии и губернских присутственных мест".

20 мая были открыты новые губернские учреждения: губернское правление, казенная, уголовная и гражданская палаты, совестный суд, приказ общественного презрения и врачебная управа.

Но с открытием Николаевской губернии произошел скандальный казус.

В действительности, за несколько дней до того, как в Николаеве начались торжества, 15 мая 1803 года в с. Петербурге последовал царский Указ о назначении губернским городом не Николаева, а Херсона и о наименовании губернии Херсонской.

В Указе этом говорилось: " По сведениям местного начальства, доставленным, находя неудобным оставить губернское управление в Николаеве, по трудности отапливания, как и потому, что Морское управление там еще находившееся, составляет само по себе часть обширную, мы признало за благо, губернскому управлению быть в Херсоне и вследствие того губернию Николаевскую именовать отныне Херсонской."

В силу этого Указа, 25 мая 1803 года Херсонское губернское правление распорядилось о переезде из Николаева в Херсон 29 июля.

Итак, хотя, в силу царских Указов, Николаевская губерния и существовала / с 8 октября 1802 года по 15 мая 1803 года / 8 месяцев, но в действительности город Николаев пользовался правами губернского города всего только два месяца и 5 дней, да и то только благодаря медленности почтовых в то время сообщений со столицей.

При Александре I, как и ранее, царское правительство продолжало раздавать тысячами десятин незаселенные земли южных степей Украины. Эти земли попадали преимущественно в руки дворян, занимавших высокие посты в государственном аппарате и в армии.

Южная Украина, благодаря близости Черного моря и плодородию полей, открывала широкие перспективы для развития сельского хозяйства и торговли. Однако развитие помещичьего хозяйства тормозилось отсутствием достаточного количества, рабочей силы.

Поэтому помещики переселяли своих крепостных из других имений и широко применяли труд вольнонаемных батраков из числа бежавших сюда крепостных. Одновременно выселялись в южные степи Украины и иноземные колонисты.— сербские, болгарские, немецкие. В 1803—1810 г.г. в Херсонской губернии поселилось до 15000 иностранных колонистов.

20 марта 1805 года было учреждено Николаевское губернаторство, просуществовавшее около 100 лет. Должность Николаевского губернатора была присвоена главному командиру Черноморского флота.

20 марта 1805 года г. Николаев выделяется в самостоятельную административную единицу— Николаевское военное губернаторство, с присоединением к нему 6-ти адмиралтейских поселений, Богоявленска, Калиновки, Березнеговатого, Висунска, Воскресенска и Покровки.

Севастополь, основанный почти одновременно с Николаевом /1783/, как военный порт, играл роль только места стоянки Черноморского флота.

Николаевский военный губернатор, являвшийся главным командиром Черноморского флота, был одновременно и военным губернатором Севастополя. Военному губернатору подчинялись не только военные учреждения, но и все гражданские.

Все губернские учреждения были в Херсоне. Соединение в одном лице должности Николаевского губернатора и главного командира Черноморского флота приводило к тому, что при некоторых губернаторах городская гражданская общественность почти совершенно парализовывалась в своих действиях, ее жизнь почти совершенно атрофировалась, и город превращался в военно-флотское поселение, управляемое своими законами.

Первым Николаевским губернатором был маркиз де-Траверзе, который фактически руководил городскими делами.

Это было время, когда на русский престол только что вступил Александр I. В России зарождалась буржуазные отношения. Царизм должен был приспособливаться к этим новым условиям, сохраняя старое. Это требовало большой изворотливости и умения приспособливаться к обстоятельствам.

Александр, умеющий делать красивые либеральные жесты, требовал этого и от своих подчиненных.

Маркиз д-Траверзе должен был провести ряд мер в интересах гражданской общественности города, которая до того попиралась военными элементами, Траверзе понимал, что для сохранения старого порядка нужно было идти на некоторые уступки вызревающим новым отношениям, не изменяя существа старого, его основы и его природы.

При Александре I вместе с другими министерствами было учреждено и министерство военно-морских сил. Одновременно с этим был учрежден "Комитет образования флота," младшим членом которого был капитан I-го ранга Грейг, сыгравший исключительную роль в развитии русского флота. Выдающийся во всех отношениях моряк, он поистине заслужил поставленный ему в Николаеве памятник.

Состояние русского флота в этот период было исключительно жалкое. Недаром в "высочайшем указе" Комитету имеется

требование принять меры "к извлечению флота из настоящего мнимого его существования, и к приведению оного в подлинное бытие". /П.И.Белавенец. "Значение флота в истории России, стр. 180/.

Преобразования были намечены очень обширные, но они почти совершенно не были проведены в жизнь.

Маркиз де-Траверзе, как первый Николаевский губернатор и главный командир Черноморского флота уделял городу Николаеву внимание только как единице гражданского общества и ничего не сделал для возрождения в нем судостроения.

Время было по-прежнему тревожное, Россия вела длительные войны с Наполеоном /1805-1807 гг./, который ставил своей целью покорить всю Европу и не скрывал своих планов в отношении Украины и, в частности, Черного моря. Черноморский флот должен был быть на высоте положения в эти тревожные годы.

Известный французский географ и ученый Мальт-Брэн, в замечаниях на официальное издание "Путеводитель путешественника по Европе" в правительственном..... 7 января 1807 года, пишет: "Я считаю, что Украина является наилучшим путем, чтобы атаковать центр России".

Переполненными этими же претензиями на Причерноморье были мемориалы, которые подали поляки в январе 1807 года Наполеону. Один из мемориалов требовал самостоятельной Польши "до Днепра и Черного моря". так, чтобы вся Украина до Очакова и сам Очаков принадлежали Польше" / Цитирую по книге Борщака "Наполеон I Украина"/.

И вот в такой обстановке, безразличие правительственных кругов, в частности Николаевского военного губернатора Траверзе, к развитию и укреплению Черноморского флота, граничили с предательством государственных интересов России.

Все мероприятия Траверзе, губернаторствовавшего в Николаеве до 1809 года, подобно мероприятиям Александра I в этот период, отличались половинчатостью и нерешительностью.

В 1809 году Траверзе вступил в Управление министерством военно-морских сил.

Во всех его действиях по преобразованию большого морского хозяйства господствовало стремление произвести эффект и поразить Александра I своей неутомимой служебной энергией.

Чтобы произвести эффект Траверзе прекратил постройку заложённых в Петербурге трех кораблей и перебросил всех плотников и других мастеров на постройку в Николаев корабля "Три святителя", который вместо трех лет, в течение которых он должен был быть построен по правилам Комитета образования флота, сошел на воду через 8 месяцев. Корабль строился из сырого леса, было увеличено время работы по будням, введена работа по праздникам и воскресеньям, не соблюдались установленные принципы монтажа кораблей. Эти эффекты весьма пагубно отражались на состоянии флота. Исправление старых кораблей и постройка новых почти прекратились, вследствие недостаточности сумм, отпускаемых на содержание флота.

О времени управления Маркиза Комитетом сохранилось письмо к Николаю I - бывшего моряка-барона Е.И. Штейгеля /декабриста/ продиктованное любовью к родному флоту. В этом письме, между прочим, он говорил: "Можно сказать, что прекраснейшее творение Петра Великого маркиз де-Траверзе уничтожил совершенно" /Белавенец, стр. 199/.

И хотя делами флота по настоящему не занималось правительство, славные русские моряки не бросили морскую службу они по-прежнему любили флот, заботились о нем, и только благодаря этому он все же могучей рукой во многих делах защищал

интересы России. Наши моряки, выходя из портов с ветхими судами, которые едва могли держаться в море, действовали успешно в ряде сражений против врагов.

Вице-адмирал Синявин, капитан Грейг, возглавлявшие Черноморскую эскадру в Средиземном море в 1805-1807 гг. в борьбе с Наполеоном, стяжали русскому морскому флоту неувядающую славу. Одновременно в действиями в Средиземном море, флоту пришлось действовать и на Черном море против турок. И во всех морях русский флот действовал вполне успешно, разбивая неприятельские морские силы и покоря прибрежные крепости.

Так, при всех плохих качествах судов, русский Черноморский флот не был " мнимым"; живым и деятельным двигателем в нем был личный состав, часть которого, не находя достаточного применения в строевом военном флоте, развернула свои морские способности в кругосветных путешествиях " дальних вояжах".

Из этой чисто морской службы вышли руководители последующего флота: Крузентерн, Дисянский, Дохтуров, Васильев, Казарский, Грейг, Путянин, Нахимов, Истомин, Корнилов, Лазарев. Многие из них всей жизнью своей и деятельностью связаны были с городом Николаевым. Эти лица возвеличили славу русского флота, дали деловое морское воспитание подрастающему поколению славной категории русских моряков.

После записки Карамзина " о древней и новой России", написанной в 1811 году и требовавшей отказ от каких-либо то ни было уступок нарождающимся буржуазным отношениям в России, заигрывание императора с либерализмом заканчивалось.

Наступила полоса тяжелой реакции. Александр отправил в ссылку Сперанского и все более начинал приближать к себе Аракчеева.

Ленин отмечал, что "монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и "спускали" на верноподанных Аракчеевых". /Ленин, Сочинения, т. IV, стр. 127/.

Новый правительственный курс, наступившая реакция, резко сказались на положении Николаева. В нем усиливается военный элемент, он превращается, по сути дела, в военное поселение, собственно городское общество, его самостоятельные элементы грубо оттеснялись на последний план.

Сипатичным в этом отношении является следующий факт: в 1810 году здание, построенное Потемкиным для городских присутственных мест, для торговых надобностей, было отобрано на потребности морского ведомства и здесь была устроена таупвахта.

Собственно городское общество было загнано в подполье, развитие капиталистических элементов ставятся рогатки, гражданское просвещение изгоняется.

Когда грянул гром в 1812 году, народ поднялся на национально-освободительную борьбу французских элементов. На Украине создаются отряды крестьян-ополченцев.

В Днепровском уезде Таврической губернии, не входившей в состав ополчения, дворянством было вынесено решение собрать немедленно ополчение, вооружа и содержать на свой счет по три человека на сто. /Военный энциклопедический лексикон т. IX. СПб, 1855 год, ст. "Ополчение".

На Херсонщине был создан отряд народного ополчения в 180 человек влившийся в армию, борющуюся с врагами. Создателем этого отряда ополченцев-патриотов был Херсонский дворянин Скаржинский-сын атамана Бугского казачьего войска. Созданный им на свои средства отряд, отличился в походах 1812-1814 гг., входя в состав третьей армии адмирала Чичагова, присоединившись к корпусу Сакена.

Отряд херсонцев получивший название "волонтеры Скаржинского", будучи оставлены Чичагановым в составе небольшого корпуса Сакена на границе Белоруссии и Украины с заданием следить за немецкими корпусами Шварценберга и Ренье, изолировать их от главных сил врага и прикрывать марш Чичаганова с фланга, проявил исключительный героизм с вдвое превосходящими силами немецких вассалов Наполеона. /Г.Гербельский. "Украинские казачьи полки и украинское ополчение в Отечественной войне 1812 года", Укр.Издат., 1943г., стр. 15/.

В Отечественной войне 1812 года прославило себя героизмом также Бугское казачье войско.

В боях против Наполеона принимали участие все три пятисотенные Бугские казачьи полки, но наиболее прославился первый казачий Бугский полк, отдельные части которого находились в составе партизанского отряда Давыдова.

Сам Давыдов высоко оценивал боевые качества Бугских казаков и даже просил Кутузова, чтобы он " дал письменное благоволение... Бугскому казачьему полку, который отлично во время моего командования во всех действиях себя проявил".

В " Дневнике партизанских действий 1812 года" написанным Давыдовым много лет спустя после Отечественной войны, прославленный герой народа много раз с большой теплотой отзывался о Первом Бугском полке и его командире Чеченском, который...
 ... привлекал " к себе внимание своей чрезвычайной храбростью, редкой инициативой и сметливостью в важнейших случаях". По целым суткам не сходил с коня другой командир Бугских казаков, 60-летний Ситников.

Бугские казаки в составе отряда Давыдова атаковали в тылу у французов 18 сентября 1812 года гарнизон села Юренево, на пути к Вязьме. 4 октября они атаковали большой вражеский обоз с провиантом, а в битве под Ляховым, где партизанами было нанесено жесточайшее поражение огромному французскому отряду генерала Ожеро, Первый Бугский полк выполнял важнейшие задания. Партизаны, имевшие значительно меньше бойцов, чем противник, заставил его сдаться.

"Победа эта тем более знаменита—сообщал Кутузов в своей реляции в Петербург,— что впервые на протяжении нынешней кампании вражеский корпус сложил перед нами оружие".

В "Киевской старине" / № II за 1882 год / опубликован указ об оставке Бугского казачьего офицера Степана Тимофеевича Лобенского из которого видно, что Бугские казаки участвовали во взятии Парижа. В указе сказано, что Лобенский, вступивший казаком в 1805 году в Бугское войско, "имеет серебрянные медали в память 1812 года и за взятие города Парижа 19 марта 1814 года установленные" / стр. 390/.

Николаевские моряки, в числе других 300 Черноморцев, бойцов черноморского 75 корабельного экипажа, участвовали во многих боях Отечественной войны, в том числе в боях при взятии Парижа в 1814 году. Черноморцы, помимо участия во всех сухопутных боях, действовали на Рейне, против неприятеля на канонерских лодках. О действиях канонерских лодок контрадмирал Грейг доносил герцогу Виттембергскому "Ничто не могло превзойти рвеня их, с коим они упорствовали приблизиться к батареям противу течения из реки Вислы. Под жестким огнем они заводили на гребных судах верпы и, подтягиваясь ближе, употребляли все средства вредить неприятелю".

/История русской армии и флота", Москва, 1913 г, стр. 166/

Народ был охвачен патриотическими стремлениями защитить свою Родину от иноземных захватчиков.

Наиболее видной фигурой на посту Николаевского военного губернатора был адмирал А.С. Грейг.

С именем отца А.С. Грейга связан ряд блистящих побед русского оружия над турками.

Благодаря исключительным заботам о черноморском флоте, главным командиром которого и Николаевским губернатором с 1816 года был энергичный, знающий адмирал А.С. Грейг, черноморский флот рос и развивался. Днятельность Грейга особенно выгодно отличала черноморские порты от других в обстановке, когда правительство вообще значительно понизило государственное вмешательство в создании морского могущества России.

Черноморские порты до назначения в 1816 году главным командиром черноморского флота адмирала Грейга, содержались в крайне запущенном виде. Только с 1816 года началось приведение портов в порядок. Николаев сделался в этот период главной судостроительной базой на Черном море, Херсон же окончательно потерял свое значение как корабельно-строительный центр. Этому способствовало, главным образом, углубление, при помощи паровой землечерпательной машины, фарватеров ингульского и Очаковского каналов, что сразу дало Николаеву громадное преимущество перед мелководным Херсоном.

В Николаеве, для удовлетворения самых разнообразных нужд флота, Грейг осуществил ряд значительных мероприятий. Были построены три корабельных и один мортов эллинга. Для удовлетворения практических потребностей Черноморского флота, и портов, в Николаеве, по плану архитектора ^{Вунша} Бундта, была построена астрономическая обсерватория. В это время были основаны: т.н. Черноморский архив-хранилище документальных материалов Черноморского адмиралтейства, портовых учреждений, канцелярии, строения города Николаева и т.п. казармы, водопровод, было основано Морское собрание. К этому же времени относится и появление в нашем флоте, в частности в Черноморском, первых судов с паровым двигателем. В 1820 году в Николаеве был построен пароход "Везувий", а в 1825 году - "Метеор". Грейг ввел в Черноморское судостроение новые

для него строительные принципы: употребление железных и медных креплений, обязательную обшивку корпуса корабля медью, улучшение оконпачивание судов и пр.

Адмирал Грейг и сам проявлял незаурядные способности в корабельно-строительном проектировании.

По его чертежу, по его расчетам, при которых впервые была применена к вычислению подводной части корабля параболическая система, был построен ступенчатый линейный корабль "Варшава".

Большое внимание уделял Грейг и подготовке морских кадров этой основе флота и морского могущества России.

"Под конец царствования Александра I только в далеком от Петербурга, Николаева, благодаря деятельности Грейга, более или менее процветало морское образование по примеру учрежденных при императоре Павле "классов для флагманов, капитанов и офицеров", адмирал организовал в Николаеве чтение / для желающих / лекций по корабельной архитектуре, теории кораблестроения, высшей математике, механике, физике, гидростатике и гидродинамике". /История русской армии и флота, М. 1913 год, стр.74/.

Уделяя исключительное внимание городу Николаеву, как судостроительной базе, центру военно-морских экипажей, адмирал Грейг, подчас, не замечал интересов растущего вокруг адмиралтейства городского гражданского населения и его общественных нужд.

Адмирал Грейг умел выслушивать просьбы и ходатайства представителей Николаевского гражданского общества, имеющего своим органом Думу, но оттеснял и общество и Думу на второй план перед потребностями Николаева, как военно-административного центра.

Почти во всех городских делах Грейг, особенно во второй половине своего губернаторства, стал совершенно игнорировать городскую Думу, действовать своими личными распоряжениями, даже в делах, относящихся непосредственно к городскому обществу, без посредства Думы. Даже средства Городского Комитета, Грейг использовывал по своему усмотрению.

Ряд территорий, принадлежащих прежде городу, /Лески, Спасское урочище, устроенный Грейгом Бульвар и Ингула / перешли в распоряжение морского ведомства.

Торгово-ремесленное население города, все более оттеснялось на окраину, а центр города превращался в обиталище морских офицеров и чиновников.

В морском городе 20-40 годов, городское общество, жизнь которого регламентировалась "изъеденными крысами" городским положением века Екатерины, не имело и не могло иметь серьезного значения.

Во время царствования Николая I, Екатерининское городское положение, признаваемое все еще официально действующим законом, находилось на самом деле в состоянии полного разгрома. Города находились в состоянии упадка, городская промышленность в заgone, городская культура под сапогом военщины.

Органы "Городского общества", органы городского самоуправления - Думы, превращены были в бесгласные и послушные орудия административной власти. Все "самоуправление" городов сводилось к обязательному доставлению денег по запросам казны из собираемых с горожан сумм.

Несмотря на всю тяжесть Николаевской крепостнической реакции, в России шло медленное, подсудное вызревание капиталистических отношений.

В первые два десятилетия XIX столетия, в России наблюдается уже значительный рост городской промышленности буржуазии, значительный рост торговли. Николаев втянут был в орбиту торгово-капиталистических отношений.

Зреющие капиталистическо-предпринимательские силы выдвигали на общественную арену своих деятелей. Их деятельность была часто нерешительной, робкой и начиналась нередко с незначительного толчка. Одним из поводов для оживления деятельности Николаевской городской Думы явилось отсутствие в Николаеве школы, общеобразовательных учреждений, в то время как город стал уже значительным по своим размерам центром.

Состояние Николаевской промышленности в 20-тые годы находилась на крайне низком уровне. Несмотря, однако, на сковывающие силы, в Николаеве вырастает капиталистическое производство, основанное на применении вольнонаемного труда. Но обслуживало производство почти исключительно местный /казенный/ рынок.

Техника была отсталой, рутинной. И в 1823 году, как и в предыдущие годы, делается в ведомостях, подаваемых Херсонским гражданским губернатором Новороссийскому генерал-губернатору, неизменно одна и та же отметка: "новых изобретений... введено не было".

В начале XIX века, в эпоху войн с Наполеоном, возникло предположение организовать во внутренних губерниях России, в широких размерах, военные поселения. Николаевщина входила в черту военных поселений.

Мысль об этом принадлежала Александру I, придерживаясь системы комплектования армии, введенной Шарнгорстом в России, надеялся, что военные поселения заменят в России ландвер и ландштурм и дадут возможность, в случае надобности, увеличить в несколько раз действующую армию. Кроме того, с помощью этих военных поселений царизм рассчитывал выйти из величайших финансовых трудностей, созданных

войной.

Военные поселения были наиболее ярким проявлением того реакционного террористического режима, который получил печальную славу Аракчеевщины.

Военные поселения представляли собой новую форму комплектования и содержания армии, выражающуюся в том, что крестьяне, переводимые на положение "военных поселян", должны были соединить военную службу с крестьянским земледельческим трудом, т.е. они должны были отбывать военную службу и сами себя прокармливать.

Создание военных поселений на юге Украины преследовало, помимо указанных выше задач, еще одну цель—укрепить за государством южные степи, укрепиться на Черном море, обеспечить здесь свои позиции.

К концу царствования Александра I, в Херсонской и Екатеринославской губернии было поселено 16 кавалерийских полков.

В 1817 году, 24 декабря, был издан царский Указ о переводе на положение военных поселенцев трех полков, размещенного на Херсонщине по реке Бугу казачьего войска. Из Бугского войска было организовано военное поселение Бугской уланской дивизии из четырех полков / по проекту Аракчеева/. На Николаевщине началось мрачное и жесткое время, время "уланщины".

Яркую характеристику земледелия в одной из военных поселений на Херсонщине в конце второго десятилетия XIX века дает в своих записках фон-Бродке, помещенных в "Русском Архиве" за 1875 год. / Книга I, стр. 258/. Он пишет: " в этой громадной степной местности, где 90 тысяч душ приписанных к военным поселениям занимались земледелием и скотоводством, хозяйство велось совершенно инстинктивно /экстенсивно/ и неправильно, что по местному наречию называется диким или воровским хозяйством.

